

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 930.1(470+571)''18/20''

ЛАНДИНА
Лариса Владимировна

**КОНЦЕПТ ЕВРОПЕЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XXI В.**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

по специальности 07. 00. 09. – историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Минск – 2021

Научная работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный консультант -

Кошелев Владимир Сергеевич,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории нового и
новейшего времени Белорусского
государственного университета.

Официальные оппоненты:

Меньковский Вячеслав Иванович,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России
Белорусского государственного университета;

Чикалова Ирина Ромуальдовна,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории
УО «Белорусский государственный
педагогический университет имени М. Танка»;

Мартынюк Алексей Викторович,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой
историко-культурного наследия Беларуси
ГУО «Республиканский институт высшей
школы».

Оппонирующая организация -

**УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».**

Защита состоится 23 декабря 2021 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.05 при Белорусском государственном университете по адресу: Минск, ул. Ленинградская 8 (корпус юридического факультета), ауд. 407.

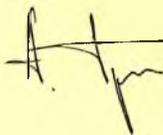
Почтовый адрес: пр-т Независимости 4, Минск, 220030.

Телефон ученого секретаря: 209-57-09.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан « 22 » ноября 2021 г.

Ученый секретарь совета
по защите диссертаций
доктор исторических наук профессор

А. А. Гужаловский

ВВЕДЕНИЕ

Государство, власть и осуществление управления неизменно находятся среди важнейших проблем исторической науки. Как политический, правовой и социокультурный феномен, государство и его разнообразные институты являются актуальными темами в историографическом и социально-политическом дискурсе. Более того, поиск эффективных механизмов управления в сочетании с запросами общества диктует не только обращение к исторической ретроспективе, но и постановку в связи с этим новых вопросов.

В Новое время значимость государства, а именно абсолютной монархии, невозможно переоценить, так как ее активная роль определяла развитие Западной Европы и России. Как компонент новоевропейской цивилизации, абсолютизм отразился в религиозной, философской и историко-правовой традиции. В представленной работе речь идет о преломлении концепта абсолютизма как феномена европейской историографии в российской исторической науке.

В данном исследовании предпочтительно употребление термина «концепт», а не термина «понятие». Термин «концепт», восходящий к латинскому «conceptus» — «содержание понятия», «восприятие», — обозначает не только явление и определяющее его понятие, но и совокупность смыслов, идей и представлений, это теоретическое построение в науке, социально детерминированное и выраженное в дискурсе. Таким образом, концепт европейского абсолютизма выступает как существующая и изменяющаяся в исторической науке система понятий, представлений и смыслов. В свою очередь, задачи рассмотрения концепта европейского абсолютизма в исторической науке России делают необходимой параллельную рефлексию двух его составляющих — концептов западноевропейского абсолютизма и российского абсолютизма, называемого также самодержавием.

Понятие «абсолютизм» было воспринято российскими исследователями всеобщей истории в середине XIX в. В настоящее время абсолютной монархией (абсолютизмом) называется преобладающая в Западной Европе XVI–XVIII вв. (в России до начала XX в.) форма государственного управления, при которой власть монарха передается по наследству и не имеет формально-юридических ограничений. При абсолютизме отсутствует разделение властей, управление бюрократизировано, церковь не отделена от государства, общество сословно и иерархично, экономика аграрная, с элементами мануфактурного капитализма. Термины «абсолютизм» и «абсолютная монархия» синонимичны, но не тождественны. Термин «абсолютизм» характеризует в первую очередь общество и государство, термин «абсолютная монархия» указывает, прежде

всего, на форму управления. Несмотря на привычность понятия «абсолютизм», проблема европейского абсолютизма во многом дискуссионна, термин «абсолютизм» уже не первое десятилетие подвергается критике. Такое положение является результатом продолжительного системного воздействия множества факторов и требует особого рассмотрения.

Изучение природы и построение теоретической модели европейской государственности, в основе которой лежала абсолютная монархия, необходимо для понимания исторических судеб государств и регионов Европы. В частности, перспективным является использование подходов исторической компаративистики для оценки специфики и выраженности тех или иных явлений и процессов в различных странах. Не менее продуктивно также рассмотрение рецепции абсолютистских форм правления в государствах, где абсолютная монархия либо развивалась в сглаженных формах, либо не существовала вообще, например в Англии и Речи Посполитой.

Историографическая рефлексия проблемы абсолютизма показывает, однако, лишь единичные работы. Необходимо комплексное исследование развития концепта европейского абсолютизма в долговременной динамике и социально-политическом контексте функционирования исторической науки. Данная работа раскрывает указанный процесс с последней трети XIX в. до наших дней. В свою очередь, в последнем выявлены как периоды, так и аспекты изменений концепта абсолютизма — мотивационный, методологический, содержательный, ценностный.

В фокусе внимания автора находится абсолютизм как особый этап развития новоевропейского государства, взятый в качестве предмета историографической рефлексии. Речь идет о работах историков Российской империи, СССР и современной Российской Федерации. Автор не рассматривает трактовки абсолютной монархии историками российского зарубежья ввиду иных, нежели в России и СССР, условий развития исторической науки. Предметом специального анализа также не являются монархическая идеология и современный монархизм как совершенно особые области изучения.

В работе не только выявлена трансформация концепта европейского абсолютизма, но и предложена интегративная модель европейского абсолютизма как предмета научного анализа. Последняя может быть использована как для дальнейших исследований в указанном направлении, так и в практике преподавания. Кроме того, на основе компаративного подхода автор предлагает новое направление в изучении Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, что призвано поднять на следующую ступень исследования по истории Беларуси раннего Нового времени.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами) и темами

Тематика исследования соответствует п. 11 приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2015 г. № 190, Государственной программе научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июня 2015 г. № 483, а также приоритетным направлениям научных исследований БГУ на 2016–2020 гг., рассмотренным и утвержденным на совместном заседании Совета БГУ и Ученого совета БГУ 30 ноября 2015 г.

Исследования по теме диссертации проводились на кафедре истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета в рамках научной темы «Социально-политические процессы и движения в странах Запада и Востока в новое и новейшее время», «Восток — Запад: противостояние и взаимозависимость в новое и новейшее время» на 2019-2023 гг., № ГР 21091406.

Диссертационное исследование выполнялось также на кафедре истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств в соответствии со следующими научными темами: «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі: праблемы захавання» 2006–2010 гг., № ГР 2007212, «Гісторыка-культурная спадчына Беларусі: вывучэнне, захаванне, трансляцыя» 2011–2015 гг., № ГР 20115713, «Музеефікацыя гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі: дасягненні і перспектывы» 2016-2020 гг., № ГР 20161947.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — выявить содержание, направленность и особенности развития концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- раскрыть эволюцию концепта европейского абсолютизма в российской историографии как преломление и развитие западноевропейской исторической мысли в российской исторической науке и определить этапы данного процесса;
- показать мотивацию, методологические основы, ценностные установки и специфику разработки проблем западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX–начала XX в.;

- выявить характер методологической и ценностной преемственности и дискретности в трансформации концепта абсолютизма в советской историографии 1917–1920-х гг., показать постепенную методологическую унификацию и формирование концепции «равновесия»;

- охарактеризовать интерпретацию проблемы европейского абсолютизма в историографии 1930-х – первой половины 1950-х гг. в условиях утверждения концепции «равновесия» и советского историографического канона;

- показать влияние социально-политических изменений периода «оттепели» на исследование проблематики европейского абсолютизма, оценить кризис социологической модели абсолютизма в исторической науке и значение дискуссии 1968–1972 гг. для разработки проблем абсолютизма в 1970-х – первой половине 1980-х гг.;

- выявить причины, содержание и последствия методологических изменений второй половины 1980-х гг. применительно к концепту абсолютизма;

- раскрыть сущность и проявления эволюции концепта европейского абсолютизма в контексте методологических, содержательных и ценностных трансформаций российской постсоветской историографии;

- оценить современную историографическую ситуацию в развитии концепта европейского абсолютизма и предложить исследовательские перспективы в данной области.

Объектом исследования является концепт европейского абсолютизма в исторической науке. **Предметом исследования** выступает развитие концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Хронологические рамки исследования включают период последней трети XIX – начала XXI в. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что с последней трети XIX в. российская историческая наука вошла в особенно продуктивный этап, отмеченный как развитием «русской школы» всеобщей истории, так и расцветом государственной школы в изучении истории России. Верхняя хронологическая граница является открытой, что создает перспективу дальнейшей разработки проблемы.

Научная новизна

Впервые в историографии эволюция концепта европейского абсолютизма анализируется в большом временном масштабе и динамике — с последней трети XIX до начала XXI в. Это дает возможность прийти к качественно новым выводам о методологической преемственности и дискретности в развитии

концепта абсолютизма, взаимном влиянии и сочетании различных парадигм, особенностях трактовок западноевропейского и российского абсолютизма.

Автор предлагает интегративную модель абсолютизма как этапа развития европейской государственности. При этом абсолютизм рассматривается в совокупности характеристик — от хронопических до ментальных, взятых в динамической многомерной системе.

Исследование основывается на комплексном применении подходов историографической компаративистики, чего в рассмотрении концепта европейского абсолютизма ранее не практиковалось. Прежде всего, речь идет о сопоставлении историографической рефлексии западноевропейского и российского абсолютизма как различных предметов рассмотрения в российской исторической науке. Такой подход позволил выйти на новый уровень решения исследовательских задач. Были выявлены различия в мотивации, ценностных установках, методологии, терминологии, идейной направленности, степени методологических трансформаций и иных аспектах историографического анализа западноевропейского и российского абсолютизма.

Актуализация исследования истории раннего Нового времени позволит поднять на новый уровень разработку проблем всеобщей истории в белорусской историографии. Комплексный характер предложенной автором работы и применение методов исторической компаративистики генерирует также новое направление в изучении отечественной истории XVI–XVIII вв.

Положения, выносимые на защиту

1. Концепт европейского абсолютизма, сформировавшийся в западноевропейской богословской, правовой и исторической мысли, был воспринят российскими исследователями всеобщей истории в середине XIX в. и впоследствии развит ввиду востребованности изучения в России, как модернизирующемся государстве, европейских государственных институтов и политической культуры. Обусловленная этим эволюция концепта абсолютизма демонстрирует, однако, не только преломление установок европейской историографии в российской исторической науке, но и специфику их развития на основе последней. В указанном процессе выделяются следующие периоды, отличающиеся в мотивационном, методологическом, содержательном и ценностном аспектах. **I период (последняя треть XIX в. – 1917 г.)** характеризуется развитием концепта абсолютизма в рамках позитивистской парадигмы и правового подхода. Итогом **II периода (1917–1920-е гг.)** явилось постепенное установление марксистского методологического канона и социологической модели в интерпретации абсолютизма. **III период (1930-е – середина 1980-х гг.)**, стал временем господства в трактовке абсолютизма

концепции «равновесия», вступившей в кризис в середине 1960-х гг. и частично преодоленный дискуссией 1968–1972 гг. Рассмотрение абсолютизма стало качественно изменяться под влиянием идей перестройки, что явилось содержанием методологически переходного **IV периода (вторая половина 1980-х – 1991 г.)**. **V период (1990-е гг. – начало XXI в.)** характеризуется методологическим кризисом и разнообразием подходов, а также полным вхождением российской историографии в общемировое русло. Критерием периодизации является изменение социально-политического вектора развития общества, но указанные периоды не являются однородными. Так, концепт европейского абсолютизма приобретал новые качества после революции 1905–1907 гг., под влиянием дискуссии 1968–1972 гг., во время празднования 200-летнего юбилея Французской революции и т. д.

2. В интерпретации западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия дореволюционными историками существовал ряд отличий. В первом случае изучалась зарубежная история, во втором — соответственно оцениваемая отечественная. При рассмотрении западноевропейского абсолютизма были приняты его либеральные сдержанно-критические оценки и сам термин «абсолютизм». Российская же монархия называлась самодержавием, и последнее зачастую противопоставлялось абсолютизму. Либеральная государственная школа в целом оценивала самодержавие как созидательную силу. При этом существовали также монархические (апологетические) и социал-демократические (негативизирующие) оценки российской монархии. Термин же «абсолютизм», воспринимаемый как инородный в отношении российской монархии, лишь в конце XIX – начале XX в. стал применяться марксистскими и леволиберальными авторами в качестве синонима термина «самодержавие».

Интерпретация абсолютизма основывалась на позитивизме, что предполагало правовой подход и многофакторность. В изучении истории как Западной Европы, так и России абсолютизм считался закономерным этапом развития государства, для которого было характерно усиление монархической власти при ослаблении сословно-представительных институтов. Монархия опиралась как на дворянство — свою социальную основу, — так и на буржуазию ввиду потребности в средствах. Таким образом, концепция «равновесия» имплицитно присутствовала в дореволюционной историографии.

3. Период 1917–1920-х гг. являлся переходным и закончился установлением методологического монизма. Трактовки европейского и российского абсолютизма сводились в единую марксистскую формационную схему, акцентировалось сходство западноевропейского и российского абсолютизма и закономерность революций в России. Советская историография

приняла присущие либеральной новистике сдержанное отношение к западноевропейскому абсолютизму, а также характеристику его социальной базы, т.е. содержащуюся в работах дореволюционных новистов идею «равновесия». В отношении российского самодержавия, напротив, произошла радикальная ценностная переориентация и отказ от установок государственной школы. Основной задачей советских историков в обоих случаях стало точное определение социальной основы абсолютизма. Однако это вряд ли было достижимо: наряду с узостью классового подхода (советские историки категорически отвергали тезисы о «надклассовости» или «двухклассности» абсолютной монархии) существовали объективные трудности, связанные с интерпретацией источников и условностью социологических схем. Согласно установкам «школы Покровского» абсолютизм расценивался как «государство торгового капитала», однако на рубеже 1920-х – 1930-х гг. стало преобладающим понимание абсолютизма как феодального дворянского государства, использующего ресурсы буржуазии.

4. В 1930-х гг. прошли организационные и методологические процессы в советской историографии, обусловившие развитие концепта абсолютизма практически до конца 1980-х гг. Различия в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма были ликвидированы, историки следовали концепции «равновесия», термины «абсолютизм» и «самодержавие» применялись как синонимы. Вместе с тем в рамках методологического монизма существовали оттенки интерпретаций западноевропейского абсолютизма С. Д. Сказкиным, В. В. Бирюковичем, А. Д. Люблинской, Б. Ф. Поршневым, а российского абсолютизма — Б. И. Сыромятниковым. Кроме того, анализируя российский абсолютизм, историки уделяли больше внимания его правовым и идеологическим аспектам, нежели при социологических интерпретациях западноевропейского абсолютизма. Абсолютизм расценивался как явление, прогрессивное на этапе создания централизованных государств и формирования капитализма, однако изначально антинародное и закономерно уничтожаемое буржуазными революциями.

5. Идеологические изменения периода «оттепели» привнесли новые акценты в рассмотрение абсолютизма. Речь шла о внимании к источникам и их публикации, переосмыслении марксистских установок, а также выходе советских историков на международную арену. Диалог советских и зарубежных ученых, однако, носил характер идеологического и методологического противостояния, в наибольшей степени выразившегося в полемике Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье. Возможности альтернативного понимания марксизма привели к переосмыслению концепции «равновесия» в дискуссии 1968–1972 гг., традиционная оценка которой как не принесшей

результатов должна быть отвергнута. Дискуссия стала знаковым явлением, продемонстрировавшим не только узость концепции «равновесия» и границы социологической модели, но и кризис социальной истории как исследовательской парадигмы. В ходе дискуссии были предложены более гибкое понимание «равновесия», оптимальное определение понятия «абсолютизм», типологическое рассмотрение абсолютных монархий. Сделанное было максимумом в условиях доминирования социологической модели абсолютизма и дало ей ресурс развития на последующее десятилетие. Указанные изменения коснулись преимущественно изучения российского абсолютизма, в трактовках же западноевропейского безусловно господствовала концепция «равновесия».

6. С середины 1980-х гг. советская историография получила импульс, вызванный идеями перестройки и возможностями восприятия концепций исторической науки Запада. Расширилось проблемное поле изучения абсолютизма: стали рассматриваться государственные институты, организация управления, персоналии правящей элиты, двор и т. д. В условиях формального сохранения позиций марксистской методологии советские историки стали воспринимать теорию конфликта элит, переосмысливать характер власти монарха при абсолютизме, актуализировать установки государственной школы в изучении российского самодержавия. В ценностном аспекте абсолютизм уже не рассматривался как «необходимое зло», уничтожаемое буржуазными революциями, а становился значимым объектом изучения. В дискурсивном плане изменилась лексика работ, из которых исчезали ссылки на классиков марксизма. Знаковым событием явилось 200-летие Французской революции, после чего методологические изменения приобрели необратимый характер, что проявилось также в фактическом отказе от концепции «равновесия».

7. Смена парадигм в историографии после 1991 г. придала новое качество развитию концепта абсолютизма. На смену методологическому монизму и концепции «равновесия» пришла плюралистическая методология с превалированием правового подхода. В связи со сменой революционных ценностей советского общества традиционалистскими одно из центральных мест в историографии занял феномен власти. Радикально изменилось отношение к абсолютизму как историческому явлению — он превратился в самодостаточный объект исследовательского интереса. В изучении западноевропейского абсолютизма были восприняты концепции европейской историографии, в рассмотрении российского самодержавия — актуализированы установки государственной школы. Значительно разнообразилось проблемное поле исследования абсолютизма, включившее не только рассмотрение государственных институтов, реформ «сверху» и

персоналий, но также подходы психоистории, гендерной истории, истории повседневности, элит, двора, ментальности различных социальных групп, репрезентации власти, потестарной имагологии и т. д. Указанные процессы дополнились терминологической и понятийной ревизией, а также идейным размежеванием среди исследователей истории России. Актуальное состояние концепта абсолютизма имеет ряд общих черт с его осмыслением в дореволюционной российской историографии, что позволяет вести речь о прохождении концептом абсолютизма масштабного методологического цикла.

8. Современное многообразие подходов и значимость проблемы абсолютной монархии обуславливают необходимость создания теоретической модели абсолютизма. Модель многомерна и носит интегративный характер, объединяя хронологический, правовой, социологический, военный и ментальный компоненты, которые не могут быть ранжированы и рассматриваются в комплексе, взаимном влиянии и совокупном действии. В данной конструкции сохраняет стабильность лишь хронологическая составляющая, маркирующая время и место существования абсолютизма как исторического явления. Несмотря на терминологическую ревизию, термин «абсолютизм» сохраняет свои позиции в историографии с учетом внесенных в последние годы коррективов. Ближайшими его эквивалентами являются «абсолютная монархия», где акцентируется форма государственного управления, и «Старый порядок», где указывается на специфику новоевропейского государства. Изучение абсолютной монархии может активизировать не только развитие отечественной новистики, но и предоставить возможность комплексного, панорамного рассмотрения государственных институтов и политической культуры в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой в сопоставлении с соответствующими аналогами в рамках европейских монархий. Указанное может быть достигнуто на основе подходов исторической компаративистики и составить новое направление исследований в отечественной историографии.

Личный вклад соискателя ученой степени

Представленная к защите диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук является самостоятельно, без соавторов, выполненным исследованием. В работе приводятся факты и выводы, полученные автором в ходе длительной работы по изучению не только опубликованных источников на русском и иностранных языках, но и массива архивных материалов, полученных в результате работы в восьми архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Автор разработал собственную концепцию

исследования и пришел к ряду новых выводов, имеющих как научное, так и практическое значение.

Апробация диссертации и информация об использовании ее результатов

Научная аргументация и результаты исследований автора представлены на 40 республиканских и международных научных и научно-практических конференциях, важнейшими из которых являются следующие: Международная научно-практическая конференция «Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза», Минск, 16–17 ноября 2006 г.; Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья», Витебск, 19–20 апреля 2007 г.; III Международная научно-практическая конференция «Научное пространство Европы – 2007», Днепропетровск, 16–30 апреля 2007 г.; Международная научная конференция «Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы», Минск, 22–23 октября 2008 г.; Международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения первого ректора БГУ, выдающегося ученого-слависта, академика В. И. Пичеты, Минск, 28–29 октября 2008 г.; Международная научная конференция «История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты», Витебск, 8–9 октября 2009 г.; III Міжнародны кангрэс гісторыкаў Беларусі «Гістарычная навука на пераломе эпох: дыялог з часам (да 80-годдзя Інстытута гісторыі НАНБ)», Минск, 15–16 октября 2009 г.; Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного гуманитарного познания», Витебск, 29–30 октября 2009 г.; VIII Международная научно-практическая конференция, посвященная 50-летию кафедры отечественной истории Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского «Культура и власть», Пенза, декабрь 2010 г.; XVI Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры «Духоўныя асновы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны», Минск, 26–28 мая 2010 г.; Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени: к 100-летию профессора Л. М. Шнеерсона», Минск, 25 февраля 2011 г.; Международная научная конференция «М. М. Ковалевский: медиевистика и новистика в России второй половины XIX – начала XX в.», Москва, 17–18 мая 2011 г.; Международная конференция «Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого», Москва, 23 сентября 2011 г.; VI Международная научно-

теоретическая конференция «Европа: актуальные проблемы этнокультуры», Минск, 22 апреля 2013 г.; XIX, XX Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 22-24 мая 2013 г., 20–23 мая 2014 г.; Дням славянскай пісьменнасці і культуры, Мінск, 20–23 мая 2014 г.; IX Міжнародная навука-практычная канферэнцыя, прысвечаная 70-летню Перамоў савецкага народа ў Вялікай Айчыннай вайне «Культура. Навука. Творчасць», Мінск, 15 мая 2015 г.; X Міжнародная навука-практычная канферэнцыя «Культура. Навука. Творчасць», Мінск, 12 мая 2016 г.; IX Міжнародная навука-теарэтычная канферэнцыя «Европа: актуальныя праблемы этнокультуры. Древнасць, сярэднія стагоддзі, Новае і Новае час» (New Time), Мінск, 10–11 лістапада 2016 г.; Навуковая канферэнцыя прафесарска-выкладчыцкага складу БДУКМ, прысвечаная Году культуры ў Рэспубліцы Беларусь «Навуковы пошук у сферы культуры і мастацтва», Мінск, 24 лістапада 2016 г.; Міжнародная навука-практычная канферэнцыя «Европа: актуальныя праблемы этнокультуры», Мінск, 25–26 мая 2017 г.; Міжнародная навука-теарэтычная канферэнцыя, прысвечаная памяці д-ра іст. н., прафесара Г. А. Космача і ў сувязі з 65-летнем со дня яго нараджэння (1953–2016 гг.) «Історычная германістыка: актуальныя праблемы сучасных даследаванняў», Мінск, 21–22 чэрвеня 2018 г.; Міжнародная канферэнцыя «Тры даты трагічнага пяцідзяцілетня Еўропы (1598–1618–1648): Расія і Запад у гады Смуты, рэлігійных канфліктаў і Трыццацігадовай вайны», Масква, 19–20 верасня 2018 г.; Міжнародная навука канферэнцыя, прысвечаная 140-летню со дня нараджэння акадэміка В. І. Пічэты «Історыя і історыяграфія: аб'ектыўная рэальнасць і навука інтэрпрэтацыя», Мінск, 05 верасня 2018 г.; Міжнародная навука-практычная канферэнцыя, прысвечаная 75-летню факультэта інфармацыйна-дакументных камунікацый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў «Бібліятэкі і музеі ў сучаснай адукацыйнай і сацыякультурнай асяродку: захаванне традыцый і перспектывы развіцця», Мінск, 24–26 верасня 2019 г.; VII, VIII, XII, XIV, XV Міжнародная навука-практычная канферэнцыя «Культура. Навука. Творчасць», Мінск, 29–30 мая 2013 г., 15 мая 2014 г., 03 мая 2018 г., 14 мая 2020 г., 13 мая 2021 г.

Матэрыялы і высновы дысертацыі знайшлі прымяненне ў выкладанні аўтарам у Беларускам дзяржаўным ўніверсітэце культуры і мастацтваў такіх дысцыплін, як «Гісторыя гістарычнай думкі», «Гісторыя Беларусі», «Усеагульная гісторыя» (імаецца 3 акта аб унедрэнні). Вынікі дысертацыі знайшлі адлюстраванне таксама ў выдадзеных 8 адукацыйных праграмах і адукацыйна-метадзічных комплексах.

Опубликованность результатов диссертации

Основные результаты диссертации опубликованы в 49 научных работах, в числе которых: 1 монография (объемом 66,1 авторского листа), 25 статей в отечественных и зарубежных научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (общим объемом 16,4 авторского листа), 22 статьи в сборниках научных конференций, 1 резюме докладов.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, восьми глав, заключения, библиографического списка и приложения. Полный объем диссертации составляет 343 страницы, 1 приложение занимает 4 страницы. Библиографический список содержит 1425 наименований, включая собственные публикации соискателя ученой степени (на 109 страницах).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Глава 1 «Историография, источники, методология и методы исследования» состоит из трех соответствующих разделов.

Раздел 1.1 «Историография проблемы» раскрывает степень ее научной разработки и указывает на три периода историографической рефлексии концепта европейского абсолютизма — дореволюционный (последняя треть XIX в. — 1917 г.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (современный).

В дореволюционный период лишь на рубеже 1870-х — 1880-х гг. появились публикации историографического направления, например, работа М. О. Кояловича¹. Преобладающее же место занимали обзоры и рецензии. Это, например, рецензия В. С. Иконникова на работу по истории Смуты С. Ф. Платонова², рецензии И. А. Тихомирова на «Курс русской истории» В. О. Ключевского³ и другие.

¹Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович ; отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. — 688 с.

²Иконников, В. С. [Рецензия] / В. С. Иконников // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1900. — Февр. — С. 367–399. — Рец. на кн.: Платонов, С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. — СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1899. — 665 с. — (Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета ; ч. 52)

³Тихомиров, И. А. [Рецензия] / И. А. Тихомиров // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1907. — Июль. — С. 190–200. — Рец. на кн.: Ключевский, В. О. Курс русской истории : в 4 ч. / В. О. Ключевский. — М. : Синод. типогр., 1906. — Ч. 2. — 508, IV с.

Специалисты по всеобщей истории, адаптируя европейский научный нарратив, к началу XX в. сделали ряд выводов о сущности и роли абсолютизма. Это очевидно из рецензий М. М. Ковалевского на работу И. В. Лучицкого о политических институтах Франции XVIII в.⁴, В. Н. Перцева⁵ и Н. И. Кареева⁶ на исследование П. П. Митрофанова о просвещенном абсолютизме Иосифа II и других. Н. И. Кареев обращает внимание на две работы о французском абсолютизме, уточнявшие ряд его правовых и социальных аспектов. Это «Догматика положительного государственного права при Старом порядке» Ф. В. Тарановского и «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, 1774–1789» П. Н. Ардашева⁷. Подводя итог дореволюционному этапу рефлексии европейского абсолютизма, уместно привести оценку Н. И. Кареева: «Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много за ближайшие 30–35 лет не сделал для изучения французской революции и старого порядка, как русские историки»⁸.

Указанный процесс был свернут событиями 1917 г. Западноевропейский абсолютизм, некогда существовавший вдали от России, не вызывал особого научного отклика, и в первые советские годы его изучение фрагментарно комментировалось в обобщающих трудах Н. И. Кареева и В. П. Бузескула⁹.

Совершенно иным, резко негативным, было отношение к российской монархии. Все написанное о ней дореволюционными историками объявлялось

⁴Ковалевский, М. М. [Рецензия] / М. М. Ковалевский // Крит. обозрение. – 1879. – № 15. – С. 32–33. – Рец. на кн.: Лучицкий, И. В. Провинциальные собрания при Людовике XVI и их политическая роль (публ. лекция, чит. 25 февр. 1879 г.) / И. В. Лучицкий. – Киев : Унив. тип. (И. И. Завадского), 1879. – 42 с.

⁵Перцев, В. [Рецензия] / В. Перцев // Рус. мысль. – 1908. – Кн. 2. – С. 24–27. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790) / П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 784 с.

⁶Кареев, Н. И. Книга о Иосифе II как представителе и деятеле просвещенного абсолютизма / Н. И. Кареев // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1907. – Ноябрь. – С. 134–187. – Рец. на кн.: Митрофанов, П. П. Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги. (1780–1790) / П. П. Митрофанов. – СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – [2], VI, [2], 784 с.

⁷Кареев, Н. И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902–1911) / Н. И. Кареев // Историческое обозрение : сб. ист. О-ва при Имп. С.-Петерб. ун-те. – 1912. – Т. 17. – С. 29–36.

⁸Кареев, Н. И. Последние работы русских ученых о французской революции / Н. И. Кареев // Вестн. Европы. – 1911. – № 4. – С. 318.

⁹Кареев, Н. И. Историки Французской революции : в 3 т. / Н. И. Кареев. – Л. : Колос, 1925. – Т. 3 : Изучение Французской революции вне Франции. – 308 с.; Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1929. – Ч. 1 / ред. В. И. Вернадский. – 218 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7); Бузескул, В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л. : АН СССР, 1931. – Ч. 2 / ред. С. А. Жебелев. – 223 с. – (Труды Комиссии по истории знаний / Акад. наук СССР ; вып. 7).

классово чуждым, особенно труды государственной школы. Так, глава советской исторической науки М. Н. Покровский утверждал, что историкам государственной школы важнее всего было доказать, что «государство в России не было созданием господствующих классов и орудием классового угнетения, а представляло собой интересы всего народа, без различия классов»¹⁰. В 1920-х – 1930-х гг. политизированные трактовки самодержавия были аргументацией в спорах о классовой основе российской монархии, предпосылках российских революций, роли в них различных политических партий, а в последующие годы критика взглядов дореволюционных историков, а также марксистов (особенно М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова) неизменно сопровождала публикации о российской государственности.

Проблема европейского абсолютизма, однако, была очень важна, так как его интерпретация связывалась с генезисом капитализма и предпосылками буржуазных революций, в том числе в России. Тем не менее рефлексия западноевропейского абсолютизма не выходила за рамки обобщающих публикаций, что очевидно из работ ведущих советских медиевистов и историографов — О. Л. Вайнштейна, Е. А. Косминского и Е. В. Гутновой¹¹.

В «Истории советской медиевистики» О. Л. Вайнштейна проблема абсолютизма была названа «сложной» и поставлена второй по важности после изучения генезиса капитализма. Вайнштейн привел также каноническую для советских ученых трактовку абсолютизма: «В общем, советские историки пришли к единодушному признанию того, что абсолютная монархия является последней фазой развития феодального государства, организацией диктатуры дворянства, причем эта диктатура могла осуществляться только в условиях известного компромисса с поднимающимся классом буржуазии»¹².

Со второй половины 1960-х гг. активизировались исследования проблем абсолютизма советскими историками. Причинами этого стало их участие в международных конгрессах, а также последствия дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг. Тем не менее это не вызвало появления отдельных историографических работ. Проблематика абсолютизма была представлена

¹⁰ Покровский, М. Н. Как и кем писалась русская история до марксистов / М. Н. Покровский // Историческая наука и борьба классов : историограф. очерки, крит. ст. и заметки. В 2 вып. – М.-Л. : Госуд. соц.-экон. изд-во, 1933. – Вып. 1. – С. 110.

¹¹ Вайнштейн, О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О. Л. Вайнштейн ; Ин-т истории Акад. наук СССР. – Л. ; М. : Соцэкгиз, 1940. – 375 с.; Косминский, Е. А. Сорок лет советской медиевистики / Е. А. Косминский, Е. В. Гутнова, Н. А. Сидорова // Вопр. истории. – 1957. – № 11. – С. 186-205 и др.

¹² Вайнштейн, О. Л. История советской медиевистики. 1917–1966 / О. Л. Вайнштейн ; Акад. наук СССР, Ин-т истории, Ленингр. отд.-ние. – Л. : Наука, 1968. – С. 138, 150.

фрагментарно в диссертациях, монографиях, статьях¹³, а также пособиях, юбилейных и мемориальных публикациях. В качестве уточнения нужно, однако, отметить, что тюменские историки С. В. и Т. Н. Кондратьевы указывают на депонированные в ИНИОН РАН (Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук) рукописи начала 1980-х гг. воронежского историка Ю. Л. Ярецкого, посвященные интерпретации проблем абсолютизма Б. Ф. Поршневым¹⁴.

Только в 1989 г. в Ленинградском государственном университете была защищена диссертация, посвященная трактовкам российского абсолютизма XVII–первой половины XVIII в. советскими историками¹⁵. Автор работы, венгерская исследовательница М. Агоштон, делала новые выводы об узости классового и социологического подходов к проблеме абсолютизма.

После 1991 г., в условиях утраты позиций марксистской парадигмы, восприятия европейских концепций и смены революционных ценностей советского общества традиционалистскими, абсолютизм перестал рассматриваться сквозь призму классового господства. Началась реинтерпретация российской дореволюционной историографии, что привело к появлению соответствующих публикаций. Это, например, ряд работ А. Н. Медушевского, систематизированное исследование Д. Ф. Попова, диссертация А. Б. Савельева¹⁶, а также аналитические обзоры¹⁷. Фрагментарная

¹³Иванова, Т. Н. В. И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России : автореф. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Иванова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л. : 1984. – С. 12–13; Люблинская, А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. / А. Д. Люблинская ; отв. ред. В. И. Рутенбург. – Л. : Наука, 1982. – С. 219–228; Назаров, В. Д. Проблемы политической истории феодальной России в новейшей историографии / В. Д. Назаров, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин // *Вопр. истории.* – 1976. – № 4. – С. 43–47; Преображенский, А. А. Проблемы классовой борьбы в XVII–XVIII вв. и абсолютизма в трудах Л. В. Черепнина / А. А. Преображенский // *Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV–XVIII вв. : чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина* : тез. докл. и сообщ., Москва, 26–28 нояб. 1980 г. / Акад. наук СССР [и др. ; редкол.: В. Т. Пашуто (отв. ред.) и др.]. – М., 1980. – С. 12–18; Энгельгардт, Р. Ю. Очерки по истории Франции конца XVII–начала XVIII столетия / Р. Ю. Энгельгардт // *Учен. зап. Кинешев. гос. ун-та. Сер. ист. наук.* – Кинешев, 1968. – Т. 104. – С. 55–72 и др.

¹⁴Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е–начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень : Мандр и К°, 2003. – С. 17–18.

¹⁵Агоштон, М. Русский абсолютизм XVII–первой половины XVIII в. в советской исторической науке : дис. ...канд. ист. наук : 07.00.09. / М. Агоштон. – Л., 1989. – 219 л.

¹⁶Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 320 с.; Попов, Д. Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке / Д. Ф. Попов. – М. : М-Артика, 1999. – 362 с.; Савельев, А. Б. Российский абсолютизм конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Б. Савельев. – М., 2001. – 286 л.; и т.д.

рефлексия проблемы российского абсолютизма присутствует в рассмотрении концепций М. Н. Покровского, П. Н. Милокова, А. А. Кизеветтера, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, Н. И. Павленко и других авторов. Историографический анализ западноевропейского абсолютизма представлен более скромно и отражен в статьях о С. Д. Сказкине, А. Д. Люблинской, В. В. Бирюковиче, Б. Ф. Поршневе, В. В. Штокмар. Рефлексия проблем просвещенного абсолютизма представлена В. С. Антиповым, О. И. Барбашиной, Е. В. Леушиной¹⁸.

На сегодняшний день лишь два сюжета о западноевропейском абсолютизме рассмотрены специально. Речь идет о диссертации А. Н. Зарубина, анализирующей проблему Старого порядка в научном наследии П. Н. Ардашева, и диссертации Т. Н. Кондратьевой и созданной на ее основе монографии об интерпретации французского абсолютизма советскими историками в 1920-х – начале 1950-х гг.¹⁹ В белорусской науке рефлексия абсолютизма представлена единичными работами как ведущих

¹⁷Беспалов, С. В. Проблемы восприятия и репрезентации царской власти в России : аналит. обзор / В. С. Беспалов // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 110-135; Коновалов, В. С. Государственное управление в России (XVI–XVIII вв.) : аналит. обзор / В. С. Коновалов // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 71-95; Фадеева, Т. М. Российский абсолютизм в XVIII в. (аналитический обзор) / Т. М. Фадеева // История России. Сер. аналит. обзоров и сб. – 2013. – № 1. – С. 173-205.

¹⁸Антипов, В. С. Дореволюционная отечественная историография политики просвещенного абсолютизма в зарубежных странах / В. С. Антипов // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер.: Соц.-гуманитар. науки. – 2011. – № 13. – С. 35–44; Антипов, В. С. Советские историки о политике просвещенного абсолютизма в зарубежных странах (1934–1941) / В. С. Антипов // Метаморфозы истории : науч. альм. / М-во образования и науки Рос. Федерации [и др.]. – Псков, 2018. – Вып. 11. – С. 25–39; Барбашина, О. И. Австрийский просвещенный абсолютизм в работах российских исследователей / О. И. Барбашина // Проблемы всеобщей истории: события, люди, факты : сб. науч. работ аспирантов и соискателей / Моск. гос. открытый пед. ун-т ; ред. И. Г. Жиряков. – М., 2000. – С. 39–53; Леушина, Е. В. П. П. Митрофанов о реформировании церкви эпохи просвещенного абсолютизма / Е. В. Леушина // Историческая наука и методология истории в России XX века : к 140-летию со дня рожд. акад. А. С. Лаппо-Данилевского / С.-Петерб. ин-т истории Рос. акад., Ин-т междунар. образоват. прогр. С.- Петерб. гос. ун-та, Фонд культуры и образования ; отв. ред. А. В. Малинов [и др.] – СПб., 2003. – С. 276–283.

¹⁹Зарубин, А. Н. Проблемы истории старого порядка и революции конца XVIII века в творчестве П. Н. Ардашева : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / А. Н. Зарубин ; Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2012. – 338 л.; Кондратьева, Т. Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиевистике 20-х–начала 50-х гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Т. Н. Кондратьева ; Тюмен. гос. ун-т. – Омск, 2002. – 30 с.; Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень : Мандр и К°, 2003. – 272 с.

историографов²⁰, так и начинающих исследователей²¹. Таким образом, несмотря на известную степень разработки, концепт европейского абсолютизма все же не получил надлежащего историографического и теоретического рассмотрения.

В разделе 1.2 «Характеристика источников» отмечается, что автор придерживается культурологической парадигмы в рассмотрении исторического источника, в соответствии с которой последний выступает как артефакт культуры с неограниченным потенциалом интерпретации, а также выполняет интегративную роль, т. е. используется различными гуманитарными науками. Ввиду системного и многоуровневого рассмотрения общества и исторической науки необходимо выделение **основных** и **опорных** источников. Такой подход тем более целесообразен, что в работе не только исследуется концепт абсолютизма, но и очерчивается то, что российский историк и методолог В. П. Корзун охарактеризовала как «образ исторической науки»²².

Основные источники, как повествовательные, так и документальные, представляют собой корпус трудов российских историков, интерпретирующих проблемы европейского абсолютизма с последней трети XIX до начала XXI в. По формальному признаку они систематизированы на следующие группы.

Обобщающие работы раскрывают проблемы абсолютизма в контексте обширных исторических и историографических исследований. Это «Всемирная история» в 10 и 6 томах, сочинения С. М. Соловьева, Н. И. Кареева, Н. А. Рожкова, историографические труды В. П. Бузескула, Н. И. Кареева, О. Л. Вайнштейна и т. д.

Монографии, посвященные крупным проблемам развития абсолютизма, представлены работами П. Н. Ардашева, В. Н. Ерохина, Н. И. Кареева, Б. Б. Кафенгауза, А. Д. Люблинской, В. Н. Малова, А. Н. Медушевского, В. Н. Перцева, Б. Ф. Поршнева, С. М. Троицкого, Ю. А. Сорокина, Е. В. Гарле, В. В. Шишкина и других авторов.²³

²⁰Чикалова, И. Р. «Старый порядок» и революция конца XVIII в. во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. / И. Р. Чикалова // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рожд. акад. В. И. Пичеты / редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 371–380.

²¹Мякинкая, А. В. Французская абсолютная монархия в дореволюционной российской историографии / А. В. Мякинкая // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 3 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2019. – Вып. 19, ч. 1 : Историографические и психолого-педагогические науки / [редкол.: В. А. Гайсенко (пред.) и др.]. – С. 373–379.

²²Корзун, В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / В. П. Корзун ; Омск. гос. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – 38 с.

²³Ардашев, П. Н. Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. – СПб. : Тип. Акц. о-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. – 183 с.; Ерохин, В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая

Содержание *докторских* (Н. Ф. Гриценко, А. Д. Люблинская, В. Н. Малов, О. А. Омельченко, И. В. Оржиховский, А. Д. Ролова, С. К. Цатурова, В. В. Шишкин, В. В. Штокмар и др.) и *кандидатских диссертаций* (С. В. Буров, О. В. Дмитриева, А. Н. Зарубин, Л. А. Пименова, Ю. А. Сорокин и т. д.) представляет рефлексию конкретных проблем абсолютизма. Источниками, демонстрирующими нормы общения научного сообщества и восприятие им результатов исследований, являются *рецензии и отзывы*, а также *материалы обсуждений* диссертаций, монографий, статей и т. д.

Отдельные стороны проблем абсолютизма рассматриваются в *статьях*. В этой группе нужно выделить подгруппу работ, посвященных трактовкам абсолютизма классиками марксизма и служащих методологическим ориентиром для советских историков. Широкий круг научной общественности охватывают *материалы конференций, круглых столов и конгрессов*.

Важной группой источников выступает *учебная литература*, показывающая нормативную интерпретацию европейского абсолютизма. Это лекционные курсы, учебники, учебные пособия, программы, лекции. Общепринятую позицию в трактовках абсолютизма отражают *статьи в энциклопедиях и словарях*. Достоинства *реферативных сборников и обзоров* как

история Англии XVI – первой половины XVI в. в современной британской исторической науке / В. Н. Ерохин. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 20016. – 752 с.; Кареев, Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» / Н. И. Кареев. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. – 452 с.; Кафенгауз, Б. Б. Россия при Петре Первом / Б. Б. Кафенгауз. – М. : Упедгиз, 1955. – 176 с.; Люблинская, А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. / А. Д. Люблинская ; отв. ред. В. И. Рутенбург. – Л. Наука, 1982. – 275 с.; Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М. : Наука, 1991. – 240 с.; Медушевский, А. Н. Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование / А. Н. Медушевский. – М. : Текст, 1993. – 320 с.; Першев, В. Н. Германия в XVIII веке / В. Н. Першев. – Минск : БГУ, 1953. – 78 с.; Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнев ; Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 724 с.; Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. / Ю. А. Сорокин ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Омск. гос. ун-т ; отв. ред. А. П. Толочко. – Омск : ОмГУ, 1999. – 322 с.; Тарле, Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России / Е. В. Тарле ; Гос. публ. ист. б-ка России ; под ред. Ю. И. Семенова. – 2-е изд., доп. – М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2011. – 272 с.; Троицкий, С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. : формирование бюрократии / С. М. Троицкий ; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – М. : Наука, 1974. – 394 с.; Федоров, С. Е. Королевская семья в церемониальном пространстве раннепетровской монархии / С. Е. Федоров. – СПб. : Алетейя, 2018. – 270 с.; Черепнин, Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. / Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1978. – 417 с.; Чудинов, А. В. Старый порядок во Франции и его крушение / А. В. Чудинов. – М. : Наука, 2017. – 205 с.; Шишкин, В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках / В. В. Шишкин. – СПб. : Евразия, 2004. – 287 с. и др.

нарративных источников — в тематическом подборе изданий и доведении их содержания до исследователя в концентрированном виде.

Среди основных повествовательных источников надлежит выделить две специфические группы. Первая из них — *научно-популярные работы* российских историков. Роль данного нарратива об абсолютизме нельзя переоценить в формировании базового уровня соответствующих знаний. Второй группой источников, демонстрирующих альтернативные трактовки абсолютизма, выступают *монографии и статьи историков Западной Европы и США*. Это работы П. Андерсона, Ф. Гизо, П. Губера, Ф. Десимона, А. Жуанна, Ф. Козандей, Р. Мандру, Р. Мунье, О. Тьерри, Ж. Пажеса, Р. Пайпса, И. Тэна, А. де Токвиля, Г. Шоссинан-Ногаре, Р. Уортмана и других.

Документальными источниками являются материалы делопроизводства советского периода — стенограммы и протоколы заседаний Ученых советов, секторов по изучению истории СССР и Средних веков, научных групп и т. д.

В предметном поле **опорных** источников, характеризующих социально-политический и историографический контекст развития концепта европейского абсолютизма, нужно выделить четыре группы.

Первая группа характеризует *специфику развития* российской историографии и объединяет в себе две подгруппы. Так, анализируя феномен самодержавия, нельзя абстрагироваться от трактовок последнего российской монархической мыслью (Л. А. Тихомиров, Д. А. Хомяков, Н. И. Черняев). В свою очередь, рассмотрение концепта европейского абсолютизма в советской историографии невозможно без обращения к соответствующим работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

Вторая группа отражает концепт абсолютизма в философии, правоведении, правительственной идеологии, т. е. *в важнейших смежных областях* знания. Это работы по истории права (М. Ф. Владимирский-Буданов, А. Н. Градовский, И. И. Дитятин, Н. М. Коркунов, М. А. Рейснер, Ф. В. Тарановский), а также произведения философской и политической мысли (Ж. Боден, Т. Гоббс, Н. М. Карамзин, Н. Макиавелли, Ш. Монтескье). Примерами документальных источников данной группы являются Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г.

Третья группа демонстрирует *историографический контекст* развития концепта абсолютизма. Это обобщающие работы («Очерки истории исторической науки в СССР»), монографии²⁴, статьи, диссертации, лекции.

²⁴Кирсанова, Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX в. / Е. С. Кирсанова. – М. : МГОУ, 2004. – 119 с.; Мягков, Г. П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. – Казань : Казан. ун-т, 1988. – 200 с.; Нечухрин, А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг.

Четвертая группа опорных источников освещает *взаимосвязь исторической науки и общества*. Она включает три подгруппы, границы между которыми частично перекрываются. Первая подгруппа раскрывает задачи исторического образования, подготовку кадров и функционирование научных учреждений, вторая выявляет социально-политический контекст развития исторической науки, третья отражает указанное сообществом историков.

Первая подгруппа включает документальные и нарративные источники. В первом случае речь идет о постановлениях СНК и ЦК ВКП(б) о преподавании истории и материалах делопроизводства. Нарративные источники представлены «Кратким курсом» истории ВКП(б)», статьями об изучении истории в свете актуальных идеологических приоритетов и т. д.

Связь исторической науки и социально-политического развития общества демонстрируют документальные (материалы делопроизводства) и нарративные источники (монографии²⁵, статьи, материалы обсуждений²⁶ и др.).

Включенность историка в общество отражена в биографиях и мемуарах. В последние годы, ввиду переосмысления и переоценки российской исторической науки, возросло количество публикаций биографического плана, были изданы мемуары Н. И. Кареева, П. Н. Милукова, дневник А. Н. Савина, вышли воспоминания А. Я. Гуревича, А. А. Зимина, Е. В. Гутновой и других историков. Появились жанр «эго-истории» и «война мемуаров».

Ряд документальных и повествовательных источников взят автором из фондов следующих российских архивов: Архив Российской академии наук (АРАН), Научный архив Института российской истории Российской академии

XIX в. – 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 348 с.; Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ЛКИ, 2009. – 320 с.; Сидорова, Л. А. Оттепель в советской исторической науке : совет. историография первого послесталин. десятилетия / Л. А. Сидорова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Памятники ист. мысли, 1997. – 288 с.; Чикалова, И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.) / И. Р. Чикалова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская павука, 2018. – 414 с. и др.

²⁵Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск: Брян. гос. ун-т., 2005. – 800 с.; Тихонов, В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х – 1955 г.) / В. В. Тихонов. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. – 427 с. и т.д.

²⁶За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. – 1953. – №. 2. – С. 3-13; Лукин, Н. М. За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта / Н. М. Лукин // Историк-марксист. – 1931. – Вып. 22. – С. 3–10; Чубарьян, А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления / О. А. Чубарьян // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы : [сб. ст.] / Акад. наук СССР, Ин-т всеобщ. истории ; отв. ред.: А. О. Чубарьян, В. В. Согрин. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 7–18.

наук (НА ИРИ РАН), Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН) Западноевропейская секция (ЗЕС), Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы), Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Необработанная часть национального архивного фонда Российской Федерации. Текущий архив Института всеобщей истории. Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени. Таким образом, использование в работе обширного массива источников позволяет вести речь о высокой степени ее обоснованности и достоверности.

В разделе 1.3 «**Методология и методы исследования**» указывается, что авторская концепция заключается в рассмотрении европейского абсолютизма как концепта исторической науки, т. е. совокупности понятий, смыслов, идей и представлений, социокультурно детерминированных и выраженных в дискурсе исторической науки. Развитие же концепта европейского абсолютизма в российской историографии выступает результатом рецепции и преломления западноевропейской правовой и исторической мысли в России. В свою очередь, данный процесс имеет мотивационный, методологический, содержательный и ценностный аспекты и может быть разделен на периоды.

Диссертационное исследование создано на основе сочетания ряда современных подходов. История и историография как объекты изучения представляют собой познаваемые феномены. Это диктует применение *феноменологического* подхода, заключающегося в понимании разницы между историографией как процессом развития исторической науки и наукой, изучающей этот процесс на основе построения научной концепции и системного подхода. История и историография принадлежат к важнейшим цивилизационным признакам — письменной традиции и социальной памяти. По этой причине уместен *цивилизационный* подход, показывающий как своеобразие исторических традиций Западной Европы и России, так и преломление и развитие установок европейской историографии в исторической науке России. Создание исторического нарратива осуществляется ученым, как личностью, включенной в общество. Деятельность историка невозможна без обращения к источнику — артефакту культуры, содержащему текст, который может быть прочитан и интерпретирован. Указанное предполагает использование подходов *культурной антропологии* и *дискурса-анализа*.

Для проведения исследования автором применялся ряд общенаучных и специальных методов. Общенаучные методы — это анализ и синтез, дедукция

и индукция, классификация и типологизация, сравнение и обобщение и т. д. Специальными методами являются историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, а также диахроническое, синхроническое и ретроспективное рассмотрение историографических процессов. В рамках работы особое значение приобрел историко-сравнительный метод, выводящий на возможности историографической и исторической компаративистики, а также метод моделирования, примененный для создания интегративной модели абсолютизма как объекта научного анализа. Автор руководствовался принципами историзма, системности, объективности и ценностного подхода.

Подводя общий итог анализа теоретических основ диссертационного исследования, нужно отметить, что использование указанных выше подходов и методов, а также корпуса источников призваны заполнить существенный методологический и историографический пробел в исследовании концепта европейского абсолютизма, т. к. в настоящее время отсутствуют:

- комплексное изучение развития концепта европейского абсолютизма в динамике, что необходимо для выявления сущности и содержания последнего;
- сравнительный анализ историографической рефлексии западноевропейского абсолютизма по странам, что содействовало бы более глубокому пониманию разработки проблем истории и политической культуры отдельных государств;
- сопоставление, в рамках российской историографии, трактовок абсолютизма западноевропейского и российского, что важно для понимания условий развития и специфики российской исторической науки;
- комплексный анализ изменений, произошедших в развитии концепта европейского абсолютизма на протяжении трех последних десятилетий, между тем как данный период не только обладает выраженными отличительными чертами, но и определяет современное видение проблем абсолютизма.

Глава 2 «Проблема абсолютизма в российской историографии периода расцвета и кризиса позитивизма (последняя треть XIX – начало XX в.)» показывает основополагающие для развития концепта абсолютизма мотивационные, методологические, содержательные и ценностные составляющие, сформировавшиеся в дореволюционной исторической науке.

Раздел 2.1 «Изучение государственных институтов в контексте развития российской исторической науки пореформенной эпохи» раскрывает значимость проблем западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия в российском историческом и общественно-политическом дискурсе. При этом изучение всеобщей и российской истории имело различные мотивацию и ценностное наполнение. В первом случае речь шла о необходимости знакомства с европейскими институтами ввиду

модернизации России, во втором — о формировании российского национального самосознания. Термин «абсолютизм» применялся в отношении западноевропейских монархий, в то время как российская монархия называлась самодержавием, и лишь в либеральном и радикальном контекстах «абсолютизмом». Российских исследователей всеобщей истории привлекали история Англии как государства образцового экономического и политического строя, Франции как страны великой буржуазной революции, а также Пруссии и Австрии, в развитии и реформировании которых усматривались параллели с Россией. Рефлексия проблем абсолютизма заметно усилилась после политических изменений 1905–1907 гг., что позволяет сделать вывод о востребованности рассмотрения проблематики абсолютной монархии.

Раздел 2.2 «Интерпретация западноевропейского абсолютизма в российской дореволюционной новистике» характеризует адаптацию европейского исторического нарратива российскими исследователями всеобщей истории и развитие ими концепта западноевропейского абсолютизма.

Термин «*potentia Dei absoluta*» в христианстве означал всемогущество Бога. С течением времени сформировалось понятие «*potestas absoluta*», прилагаемое к светской власти. Идея суверенной власти правителя была развита Н. Макиавелли, Ж. Боденом, Ж.-Б. Боссюэ, Т. Гоббсом, Х. Вольфом и другими ее идеологами, реализовываясь в практике управления. При этом проводилась четкая грань между абсолютной монархией, основанной на законе, и неограниченным деспотическим правлением. Понятие «абсолютизм» вошло в европейскую историческую науку в 1830-х гг. и было развито Ф. Гизо, О. Тьерри, И. Тэнном и др. Речь шла о созидательной роли союза королевской власти и третьего сословия при установлении абсолютной монархии во имя развития страны. С другой стороны, делался акцент на регрессивной роли самодовлеющего абсолютизма. В российской исторической науке термин «абсолютизм» был впервые применен в лекциях 1858/59 гг. С. В. Ешевского в контексте признания власти Августа в Риме после гражданских войн.

В России восприятие всеобщей истории не вызывало такого оценочного отклика, как рассмотрение отечественной, что обусловило идейную однородность среди новистов-либералов, представлявших на рубеже столетий «русскую школу» всеобщей истории. Методологической основой работ таких исследователей абсолютизма, как В. И. Герье, Н. И. Кареев, П. Н. Ардашев, П. П. Митрофанов и других был позитивизм, что включало правовой подход и многофакторность, применялись термины «абсолютизм», «Старый порядок», «королевское самодержавие». Абсолютизм считался государственной формой, возникшей в условиях генезиса капитализма, усиления королевской власти и падения роли сословных институтов. Абсолютные монархи учитывали

интересы дворянства как своей социальной опоры и буржуазии как источника средств. Таким образом, имплицитно существовала концепция «равновесия».

В разделе 2.3 «Самодержавная монархия как феномен российского историографического нарратива последней трети XIX – начала XX в.» раскрыто развитие концепта российского абсолютизма как уникального явления в российской исторической и общественной мысли. Самодержавие позиционировалось как конструктивная сила, в свое время закрепитившая сословия, а затем их освобождавшая по мере решения государственных задач. Главная роль в трансляции этого тезиса принадлежала либеральным историкам и правоведам государственной (юридической) школы (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский и другие). Методологией данных построений служил позитивизм, основой проблемного поля являлось рассмотрение государственных институтов, реформаторства, формирования сословий, а также персоналий монархов.

Альтернативные трактовки самодержавия выдвигали социал-демократы и монархисты. Первые называли его также абсолютизмом и призывали к свержению (В. И. Ленин, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, В. В. Воровский, М. С. Ольминский), вторые (К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, Н. И. Черняев) понимали самодержавие как уникальное явление, присущее русской цивилизации и опирающееся на божественную санкцию. Таким образом, в дореволюционном общественно-политическом и историческом дискурсе концепт российского самодержавия был многослойным, указывал на цивилизационную специфику России и занимал одно из центральных мест.

Глава 3 «Состояние концепта абсолютизма в советской историографии (1917–1920-е гг.)» показывает методологический переход, завершившийся установлением социологической модели абсолютизма и нивелированием трактовок его западноевропейского и российского вариантов.

Раздел 3.1 «Концепт западноевропейского абсолютизма в условиях трансформации исторической науки в 1917–1920-х гг.» демонстрирует соотношение преемственности и разрыва с дореволюционной историографией в трактовке западноевропейского абсолютизма. На основе изучения работ данного периода делаются следующие выводы. Во-первых, советская историография сохранила присущее дореволюционной рефлексии сдержанно-критическое отношение к абсолютизму. Это объяснялось общим негативным отношением к монархии либералов и социал-демократов. Во-вторых, признание абсолютизма государством периода генезиса капитализма, т. е. переходной эпохи и двойственной социальной природы, создавало почву для будущих дискуссий. Наконец, несмотря на споры о феодальной или буржуазной основе абсолютной монархии и тезис об абсолютизме как

«государстве торгового капитала», советские историки приходили к еще не оформившейся концепции «равновесия», так как «торговыми капиталистами» считались и дворяне, ориентированные на рынок. В самом конце 1920-х возобладал тезис об абсолютизме как феодальном дворянском государстве.

В разделе 3.2 «Проблема российского абсолютизма в идейно-политических дискуссиях советской исторической науки 1920-х гг.» делается вывод о значительном отличии оценок и проблемного поля российской монархии от аналогичных параметров развития концепта западноевропейского абсолютизма. Советские историки под руководством М. Н. Покровского негативизировали дореволюционную историю России и резко отрицательно оценивали самодержавие. Все интерпретации российского абсолютизма, за исключением понимания его как «государства торгового капитала», были отвергнуты, споры о российской монархии носили выраженный политизированный характер, наиболее ярко воплотившись в полемике М. Н. Покровского и Л. Д. Троцкого, а выходявшие в то время работы имели преимущественно учебный характер.

Глава 4 «Оформление концепции “равновесия” и интерпретация абсолютизма в советской исторической науке 1930-х – первой половины 1950-х гг.» раскрывает утверждение концепции «равновесия» в контексте создания методологического канона советской историографии.

В разделе 4.1 «Социально-политические приоритеты исторической науки СССР 1930-х гг. и оформление концепции “равновесия” в изучении абсолютизма» указана связь между переходом к форсированному строительству социализма и преобразованиями в исторической науке, которая должна была формировать гражданина-патриота. Надлежало создать картину прогрессивного исторического развития с включением в нее истории России и обоснованием российских революций, что воплотилось в пятичленной формационной схеме. Периодизация, принятая в начале 1940-х гг., относила эпоху абсолютизма к позднему Средневековью и Новому времени. Термины «абсолютизм» и «самодержавие» стали синонимами. Абсолютизм назывался «феодально-абсолютистским строем», «крепостническим самодержавием», «царизмом», трактовки западноевропейского абсолютизма и российского самодержавия были методологически едиными.

Обсуждение проблем западноевропейского абсолютизма в марте-апреле 1940 г. завершилось принятием концепции «равновесия» в изложении С. Д. Сказкина. Абсолютизм считался феодальным дворянским государством эпохи генезиса капитализма. При этом ввиду борьбы дворянства и буржуазии создавалось определенное социальное равновесие, позволявшее усиливаться королевской власти как органу господства дворянского класса. Одновременно

происходившее обсуждение российского абсолютизма делало акцент на его трактовках В. И. Лениным и акцентировало внимание не только на классовой основе, но и на нижней хронологической границе. В результате монархия до середины XVII в. стала называться самодержавием, формирование абсолютизма датировалось серединой XVII в., а его утверждение связывалось с Петровскими реформами. Таким образом, в рассмотрении российского абсолютизма правовой подход был выражен значительно, нежели в трактовках западноевропейского.

Раздел 4.2 «Развитие социологической модели абсолютизма в 1940-х – первой половине 1950-х гг.» содержит анализ состояния концепта абсолютизма в период Великой Отечественной войны, послевоенного апогея культа личности Сталина, жесткого дискурса советской историографии и международной изоляции советских историков. Демонстрируется интерпретация абсолютизма в свете идеи «равновесия» и как «государства дворян и купцов». Особенное внимание уделено концепции А. Д. Люблинской, а также дискуссии об абсолютизме и роли классовой борьбы, инициированной Б. Ф. Поршневым, но не поколебавший установившейся интерпретации абсолютизма. Рассмотренное позволяет сделать вывод как о деформирующем влиянии социально-политических реалий на развитие научного сообщества, так и устойчивости существовавшего методологического канона.

Глава 5 «Новые акценты в развитии концепта абсолютизма и частичное разрешение кризиса его социологической модели (вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.)» раскрывает влияние идей «оттепели» на разработку проблем абсолютизма, кризис его социологической модели, а также ход и последствия дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг.

Раздел 5.1 «Изучение советскими историками государственных институтов Нового времени в период “оттепели”» показывает влияние новых идеологических реалий на изучение проблем государства. При более свободной интерпретации марксизма активизировалось рассмотрение государственных институтов феодальной России, была признана определяющая роль источников в историческом исследовании. Таким образом, новые идеи привели к переосмыслению генезиса российского капитализма и социальной основы российского абсолютизма, явившись прологом дискуссии 1968–1972 гг.

Раздел 5.2 «Западноевропейский абсолютизм в советской исторической науке середины 1950-х – 1960-х гг.» раскрывает трактовки западноевропейского абсолютизма в условиях выхода советских историков на международную арену. Однако конструктивный диалог ввиду идеологических расхождений был невозможен, что показала полемика между Б. Ф. Поршневым и Р. Мунье об абсолютизме, Фронде и классовой борьбе во Франции XVII в.

Проблемное поле западноевропейского абсолютизма расширилось, стали изучаться его германский (А. Д. Эпштейн), итальянский (А. Д. Ролова), английский (В. В. Штокмар) варианты. Особенное место занимает концепция французского абсолютизма А. Д. Люблинской о динамическом характере «равновесия», заключающаяся в тезисе о постоянном пополнении дворянства представителями аноблированной буржуазии. Делается вывод о том, что в трактовках западноевропейского абсолютизма, преимущественно согласно концепции С. Д. Сказкина, очевиден больший консерватизм, нежели при изучении российского. Для советских историков был непререкаем авторитет классиков марксизма, основывавших свои выводы на западноевропейском материале, а работа в европейских архивах – весьма затруднительна.

В разделе 5.3 «Дискуссия об абсолютизме 1968–1972 гг. и интерпретация российского абсолютизма в 1970-х – начале 1980-х гг.» указываются причины и частичное разрешение кризиса социологической модели абсолютизма. Проблема состояла в расхождении данных источников и концепции «равновесия». Было очевидно более позднее, чем в XVII в., и слабое развитие капитализма в России по сравнению с Западной Европой. Возникла угроза выпадения истории России из формационной схемы и непригодности концепции «равновесия» для трактовки российского абсолютизма.

Разрешением ситуации стала дискуссия 1968–1972 гг., традиционное мнение о безуспешности которой должно быть отвергнуто. Дискуссия стала симптомом кризиса не только социологической модели абсолютизма, но и социальной истории как парадигмы, что наблюдалось в общеевропейском масштабе, ввиду изначальной вариативности создания исторического нарратива и отсутствия четких параметров социальных процессов отдаленных эпох. Тем не менее дискуссия имела ряд конструктивных итогов. Например, Л. В. Черепниным и И. А. Федосовым было предложено более гибкое понимание «равновесия», а А. Н. Чистозвоновым — оптимальное определение абсолютизма и типологический подход к изучению абсолютных монархий. Таким образом, ходе дискуссии был достигнут максимум возможного в существовавших условиях, и социологическая модель абсолютизма получила ресурс развития. Это показало изучение российского абсолютизма и его государственных институтов, идеологии, бюрократии, реформ «сверху» (Н. П. Ерошкин, П. А. Зайончковский, А. А. Зимин, Н. Ф. Демидова, О. А. Омельченко, Н. И. Павленко, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт и другие).

Содержание раздела 5.4 «Западноевропейский абсолютизм в советской историографии периода “развитого социализма”» раскрывает изучение абсолютных монархий Запада в русле концепции «равновесия» при фактическом отсутствии ее коррективов. Наиболее разработанной оставалась

проблематика французского (А. Д. Люблинская, С. Д. Сказкин) и английского (В. В. Штокмар, М. А. Барг) абсолютизма при расширении проблемного поля. Рассматривались германский (А. Д. Эпштейн), итальянский (А. Д. Ролова, И. В. Рутенбург), шведский (А. С. Кан) абсолютизм. Несмотря на применение исследователями типологического метода, необходимо все же сделать вывод о преимущественно экстенсивном развитии концепта европейского абсолютизма.

Глава 6 «Интерпретация абсолютной монархии советскими историками в период перестройки (вторая половина 1980-х – 1991 г.)» демонстрирует влияние новых идей на развитие концепта абсолютизма и складывание предпосылок методологических трансформаций 1990-х гг.

В разделе 6.1 «Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. и изучение российской монархии советскими историками» показана постепенная утрата марксистской методологией директивного характера и ее дополнение актуализируемыми установками государственной школы и концепциями западной историографии. Стали изучаться проблемы специфики российского самодержавия, по-новому оцениваться реформы «сверху», создаваться политические портреты российских монархов (Е. В. Анисимов, А. Б. Каменский, А. Н. Медушевский, Н. И. Павленко, А. Н. Сахаров, Ю. А. Сорокин и другие авторы). Таким образом, исследователи достаточно эффективно реагировали на социально-политические вызовы в условиях начавшихся методологических трансформаций.

Раздел 6.2 «Западноевропейский абсолютизм в дискурсе российской советской историографии 1985–1991 гг.» раскрывает трансформацию концепта абсолютизма под влиянием воспринятых советскими историками теорий конфликта элит, пересмотра границ власти монарха, структурного подхода и других концептуальных новаций. Был отвергнут тезис о феодально-абсолютистском характере предреволюционной Франции, пересмотрено понятие «абсолютизм», возвращен термин «Старый порядок» (Н. Е. Копосов, Е. М. Кожокин, Л. А. Пименова, А. В. Чудинов), вышли книги о Кольбере и Ришелье (В. Н. Малов, П. П. Черкасов). Проявилась более взвешенная оценка абсолютизма как системы, а также персоналий монархов и правящей элиты. Таким образом, размывалась концепция «равновесия», изменялся дискурс и внешний вид работ, что стало необратимым на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

В главе 7 «Исследование феномена абсолютизма в условиях понятийного кризиса и поливариантной методологии конца XX – начала XXI в.» характеризуется развитие концепта абсолютизма в условиях методологического плюрализма и поиска новых исследовательских подходов. Указанное сочеталось с терминологической и понятийной ревизией,

беспрецедентным изменением проблемного поля европейского абсолютизма и ценностным разворотом к нему как историческому явлению.

Раздел 7.1 «Изучение проблем государства в контексте системной трансформации российской постсоветской историографии» раскрывает социально-политические процессы, произошедшие после 1991 г. и существенно изменившие контуры концепта абсолютизма. Смена революционных ценностей традиционалистскими выдвинула на исследовательскую авансцену феномен власти. Восприятие абсолютизма как самоценного объекта изучения при множестве подходов и резкий рост его проблемного поля позволяют сделать вывод о вхождении концепта абсолютизма в качественно новый этап развития.

В разделе 7.2 «Абсолютные монархии Запада в работах современных российских историков» выявлены содержание и тенденции современной разработки проблем абсолютной монархии и делаются выводы, во-первых, о беспрецедентном расширении как теоретических подходов, так и исследовательских сюжетов, и, во-вторых, ценностной переориентации в отношении концепта европейского абсолютизма.

Ситуация методологического кризиса 1990-х гг. завершилась установлением определенной стабильности в 2000-х гг. В рассмотрении абсолютизма доминируют правовая и культурно-антропологическая парадигмы. Многочисленными и часто перекрывающимися сегментами проблемного поля абсолютизма стали политическая история, государственные институты, презентации власти, двор, правящая элита и другие его области (О. В. Дмитриева, В. Н. Малов, Л. А. Пименова, А. Ю. Прокопьев, С. Е. Федоров, В. В. Шишкин, С. К. Цатурова, А. В. Чудинов и другие авторы). Наряду с изучением указанной проблематики, целая галерея персоналий правителей Западной Европы XVI–XVIII вв. создана Ю. Е. и Л. И. Ивониными.

В разделе 7.3 «Российский абсолютизм как государственный и социокультурный феномен в постсоветской российской историографии» демонстрируется значимость концепта российской монархии как одного из компонентов национальной идентичности и исторической памяти, возрождение установок государственной школы, методологическое разнообразие, идейная дифференциация в среде историков, а также беспрецедентное по наполнению и сложности проблемное поле. Огромный массив исследований российского абсолютизма в диапазоне от фундаментальных долговременных процессов до сюжетов повседневности представляют работы Е. В. Анисимова, А. Н. Боханова, Н. Ф. Гриценко, А. Б. Каменского, И. В. Курукина, Е. Н. Марасиновой, А. Н. Медушевского, Б. Н. Миронова, О. А. Омельченко, Н. И. Павленко, Л. Ф. Писарьковой, А. Н. Сахарова, Ю. А. Сорокина, С. О. Шмидта и ряда других российских историков. Таким образом, рефлексия

концепта российского самодержавия в современной российской исторической науке требует отдельного рассмотрения. Кроме того, на основе сопоставления ряда критериев развития концепта европейского абсолютизма в российской дореволюционной и современной историографии делается вывод о прохождении им масштабного методологического цикла.

В главе 8 «Создание теоретической модели абсолютизма в условиях разнообразия современных подходов» оценивается состояние концепта абсолютизма, предлагается авторская модель европейского абсолютизма как предмета исторической науки и представляется новое направление в отечественной историографии на основе исторической компаративистики.

В разделе 8.1 «Современные контуры и перспективы развития концепта абсолютизма» охарактеризована актуальная интерпретации концепта абсолютизма, обращено внимание на концепции современного государства и «военной революции». Сделан вывод о том, что правового и социологического подходов совершенно недостаточно для осмысления абсолютизма как исторического феномена. Автор предлагает многомерную интегративную модель абсолютизма в единстве его хронотопических, правовых, социологических, военных и ментальных параметров.

В разделе 8.2 «Концепт абсолютизма в условиях терминологической и понятийной ревизии» оценивается пересмотр понятия «абсолютизм» и требования его замены. Делается вывод о том, что, несмотря на наличие терминологических аналогов, на сегодняшний день термин «абсолютизм», с учетом принятых коррективов, сохраняет свои позиции. Ближайшими аналогами термина «абсолютизм» выступают термины «абсолютная монархия» и «Старый порядок». В первом случае делается акцент на форме управления, во втором — на специфике общества и государства. Ввиду разнообразия форм абсолютизма, правомерно употребление и таких его маркеров, как «ренессансная монархия», «классическая монархия», «государство барокко», а также «административная», «судебная» монархия и т. д.

В разделе 8.3 «Абсолютные монархии Западной Европы и шляхетская республика Речи Посполитой в свете задач компаративного подхода» предлагается новое направление в отечественной историографии, заключающееся в рассмотрении государственных и социальных институтов Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой в общеевропейском контексте и на основе компаративного подхода. Указывается, что данное направление исследований не только активизирует изучение всеобщей истории Нового времени в отечественной историографии, но и придаст новое качество изучению отечественной истории XVI–XVIII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Концепт европейского абсолютизма как система социокультурно детерминированных понятий, идей и представлений явился результатом развития западноевропейской богословской, правовой и историографической традиции и стал достоянием профессиональной исторической науки к середине XIX в. В России понятие «абсолютизм» было впервые применено в лекционном курсе 1858/59 гг. медиевиста С. В. Ешевского.

Принимая во внимание цивилизационную близость Европы и России Нового времени, правомерно утверждать, что концепт европейского абсолютизма в российской историографии демонстрирует восприятие, преломление и развитие на российской почве содержания и идей западноевропейского историографического нарратива. В данном процессе, имеющем мотивационную, методологическую, содержательную и ценностную составляющие, необходимо выделить следующие периоды, определенные на основе происходивших социально-политических изменений:

I период — последняя треть XIX в. – 1917 г. характеризуется развитием концепта абсолютизма на основе позитивистской методологии и правового подхода. Западноевропейский абсолютизм интерпретировался в либеральном духе на основе европейских концептуальных установок, развитых «русской школой» всеобщей истории. Российский абсолютизм, называемый самодержавием, осмысливался с различных идейно-методологических позиций, при этом основной была либеральная государственная или юридическая школа;

II период — 1917–1920-е гг. является организационно и концептуально переходным и характеризуется установлением методологического монизма, социологической модели абсолютизма и постепенной унификацией трактовок российского и западноевропейского абсолютизма;

III период — 1930-е – первая половина 1980-х гг. — время безусловного доминирования марксистской социологической модели абсолютизма, выраженной в концепции «равновесия». С середины 1960-х гг. социологическая модель абсолютизма вошла в кризисный этап, в известной мере преодоленный результатами дискуссии об абсолютизме 1968–1972 гг.;

IV период — вторая половина 1980-х – 1991 г. определяется влиянием идей перестройки в исторической науке, что не только привело к постепенной утрате позиций марксистской парадигмы, но и обусловило новое качество развития концепта европейского абсолютизма;

V период — 1990-е гг. – начало XXI в. — время методологического кризиса и поисков, особенно характерных для первого постсоветского

десятилетия. Российская историческая наука в полной мере вошла в мировое пространство с плюралистической методологией, исследовательским релятивизмом и понятийной ревизией, что непосредственно коснулось и трактовок абсолютизма, в осмыслении которого произошел ценностный разворот. В современных условиях востребовано создание теоретической модели абсолютизма как сложнейшего исторического и социокультурного феномена [1; 28; 29; 33; 41; 45].

2. На протяжении последней трети XIX – начала XX в. были заложены и развиты основы интерпретации абсолютизма в российской историографии. Правовой подход, идея баланса сил аристократии и буржуазии при усилении королевской власти, уменьшение роли сословно-представительных институтов, дворянский характер абсолютизма и сословность абсолютистского государства — указанные тезисы стали фундаментальными для последующего развития концепта европейского абсолютизма российскими историками. Кроме того, концепция «равновесия», традиционно оцениваемая как созданная советскими историками, имплицитно существовала в работах дореволюционных новистов. Отношение к западноевропейскому абсолютизму было умеренно критическим, как к явлению, необходимому для централизации и развития страны, но затем ставшему регрессивной силой и побеждаемому революцией, российское же самодержавие оценивалось более дифференцированно.

Очевидна мотивационная и оценочная разница в осмыслении западноевропейского и российского абсолютизма. Интерес к западноевропейскому абсолютизму диктовался необходимостью сопоставления российских и европейских государственных институтов в условиях проходящей в России модернизации. Напротив, при изучении самодержавия приоритетным было формирование национального самосознания и акцентирование роли государства как движущей силы в развитии страны. Российские исследователи всеобщей истории были либералами, в то время как в трактовках истории России, наряду с либеральными установками государственной школы, существовали монархические и социал-демократические. При этом особенный импульс в оценках и изучении абсолютизма был дан событиями 1905–1907 гг. [1; 2; 3; 4; 6; 8; 10; 16; 21; 30; 31; 32; 34; 44; 46].

3. После Октябрьской революции были провозглашены революционные ценности и новый социальный заказ в историографии. Однако для подготовки новых кадров и установления методологического единообразия требовалось время, что заняло переходные 1920-е гг. Степень методологической, предметной и ценностной трансформации концепта абсолютизма зависела от связи изучаемой области с актуальными политическими задачами. Среди

научных приоритетов оказались буржуазные революции, что требовало внимания к предреволюционной эпохе, и, соответственно, абсолютизму. Западноевропейский абсолютизм, как явление, далекое от России, воспринимался сдержанно-критически, что являло преемственность с оценками дореволюционной новистики. Напротив, свергнутая российская монархия стигматизировалась, ее историческая роль обесценивалась. В свою очередь, важность для советских историков выяснения социальной основы абсолютизма вызывала ряд дискуссий об абсолютизме.

На протяжении 1920-х гг. как западноевропейский, так и российский абсолютизм интерпретировались в рамках «школы Покровского» как «государство торгового капитала» или государство эпохи торгового капитализма. Считалось, что абсолютизм возник на этапе разложения феодализма под воздействием товарно-денежных отношений. «Торговыми капиталистами» были как купцы, так и дворяне-помещики, хозяйство которых было ориентировано на рынок. С течением времени концепция «торгового капитала» претерпевала коррективы в сторону смещения акцентов в социальной базе абсолютизма в сторону дворянства. Это свидетельствует о преемственности как с идеями дореволюционной новистики, так и с установками западноевропейской историографии, с которой марксизм был генетически связан.

В соответствии с построением единой марксистской схемы исторического процесса постепенно нивелировались подходы к западноевропейскому и российскому абсолютизму. Специфика российских институтов власти не могла игнорироваться, но она была, во-первых, подчинена общей логике формационных процессов и, во-вторых, выступала производной от социально-экономических явлений [1; 11; 12; 13; 21; 23; 24; 26; 49].

4. Итогом развития советской исторической науки к середине 1930-х гг. стало установление жесткого методологического канона и обусловленных однопартийной системой принципов функционирования исторического сообщества, сохранившихся в основе своей на протяжении всей советской эпохи. Всеобщая история и история России были сведены в единую формационную схему, разница в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма ликвидирована. Абсолютизм, в соответствии с установившейся концепцией «равновесия», считался феодальным дворянским государством, вынужденным учитывать интересы буржуазии с целью использования ее средств. Однако в данной социологической модели в трактовках российского абсолютизма все же был выражен правовой подход, в отличие от социологических схем, создаваемых при анализе западноевропейского абсолютизма. Вместе с тем даже в пределах концепции «равновесия» существовала вариативность в трактовках западноевропейского абсолютизма. Различные акценты в его понимании расставляли С. Д. Сказкин,

Б. Ф. Поршнев, В. В. Бирюкович. В интерпретации российского абсолютизма свое видение предложил Б. И. Сыромятников.

В первые послевоенные годы директивная трактовка абсолютизма укрепилась. Более того, Б. Ф. Поршневым была предпринята попытка усилить ее ортодоксальность. Однако это не возымело успеха. В результате была сохранена известная возможность маневра в трактовках и проблемном поле западноевропейского абсолютизма, и на несколько десятилетий установилась известная конвенциональность в научном сообществе. И западноевропейский, и российский абсолютизм оценивался в целом негативно, как эксплуататорское и угнетающее народные массы государство, для характеристики которого применялись эпитеты «феодално-абсолютистский строй», «царизм», «крепостническое самодержавие» и другие [1; 17; 21; 22; 24; 47].

5. Эпоха «оттепели» вызвала теоретические поиски советских историков, привлечение источников, появление новых сюжетов в проблематике европейского абсолютизма. Вместе с тем в середине 1960-х гг. стало очевидно, что данные источников не позволяют вести речь о «равновесии» применительно к российскому абсолютизму, возникли разногласия в определении времени генезиса российского капитализма и степени развитости российской буржуазии. Это привело к переосмыслению представлений о генезисе российского абсолютизма и дискуссии 1968–1972 гг., выводы о которой должны быть переосмыслены.

Последняя в советской историографии дискуссия об абсолютизме никоим образом не может считаться неэффективной. В ее ходе был достигнут максимум в существовавшей методологической ситуации. Были предложены сравнительный и типологический методы в изучении абсолютизма, оптимальное определение последнего, скорректированы социологическая модель и идея «равновесия». Это дало ресурс для последующих исследований с расширением проблемного поля, изучением государственных институтов, типологическим рассмотрением абсолютизма (П. А. Зайончковский, Н. Ф. Демидова, Н. П. Ерошкин, О. А. Омельченко, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт и другие). Дискуссия указала также на невозможность формализации социальных процессов, количественные и качественные параметры которых размыты, т. е. стала проявлением кризиса социальной истории как парадигмы исторического познания.

Несмотря на типологический подход и динамическое понимание «равновесия» А. Д. Люблинской, тезис «равновесия» была непререкаем в отношении западноевропейского абсолютизма. Выводы классиков марксизма, сделанные на основе западноевропейского материала, были аксиомой, а фонды зарубежных архивов — фактически недоступны для советских историков. Конфронтация Востока и Запада переносилась и на историческую науку, где

расхождения были слишком велики, чтобы речь шла о сотрудничестве, что доказала полемика Б. Ф. Поршнева и Р. Мунье [1; 15; 17; 25; 46].

6. Социально-политические изменения второй половины 1980-х гг. придали особую специфичность развитию концепта абсолютизма. Эти явления стали необратимыми в конце 1980-х гг. и могут быть определены как переходный период, подготовивший процессы, развернувшиеся после 1991 г. При формальном сохранении марксистской методологии были восприняты европейские теории конфликта элит как причины буржуазных революций, тезис о границах власти монарха при абсолютизме, началась реинтерпретация установок государственной школы.

Абсолютизм переставал восприниматься как «неизбежное зло» и предпосылка буржуазных революций и превращался в самоценный объект изучения. Постепенно исчезали такие понятия, как «феодално-крепостническое самодержавие», «феодално-абсолютистский строй», «царизм», изменилось отношение к реформам «сверху», активизировался интерес к персоналиям правящей элиты. В связи с 200-летием Французской революции были переосмыслены тезисы о неограниченности власти монарха, феодальной природе абсолютизма, соотношении феодального и буржуазного в дореволюционной Франции, а также возвращен в науку термин «Старый порядок». На фоне ослабления марксистской парадигмы происходило размывание концепции «равновесия» при активном восприятии профессиональными историками происходящих изменений [1; 17; 18; 36; 46].

7. После 1991 г. марксистская парадигма, утратив доминирование, сменилась антропологическим и лингвистическим поворотами, установками постмодерна, релятивизмом, понятийной и терминологической ревизией, что радикально изменило состояние концепта европейского абсолютизма.

В современных условиях развития исторической науки концепт европейского абсолютизма включен в осмысление феномена власти. Различные аспекты ее генезиса и функционирования, деятельности властных элит, индивидуальных и коллективных представлений, субъективного фактора, практик повседневности, символики, презентации и воздействия представляют собой обширное проблемное поле, в разработке которого актуальны подходы институциональной истории, культурной антропологии, истории повседневности, психоистории, гендерной истории, потестарной имагологии и других исследовательских стратегий. Концепт абсолютизма выстраивается, прежде всего, в рамках правового подхода и понимания монархической власти как института, сочетающего доминирование и сотрудничество с сословиями. Ввиду смены революционных ценностей традиционалистскими изменились ценностные установки в изучения абсолютизма — он начал рассматриваться

как закономерный и самоценный период развития новоевропейской государственности.

В развитии концепта европейского абсолютизма с последней трети XIX до начала XXI в. очевидно прохождение масштабного методологического цикла, что доказывается рядом параллелей между современным состоянием концепта абсолютизма и аналогичными процессами в российской историографии на рубеже XIX–XX вв. Так, вновь на первое место вышел правовой подход, изучение западноевропейского абсолютизма происходит в условиях диалога с европейской наукой при сохранении определенной общей позиции в среде российских историков. В исследовании российского самодержавия присутствуют либеральные и монархические установки, актуализированы идеи государственной школы. Наконец, по аналогии с дореволюционной «русской школой» всеобщей истории существует «новая русская школа» изучения Французской революции [1; 3; 7; 16; 17; 34; 35; 38; 40; 45; 48].

8. Принимая во внимание востребованность изучения феномена власти в современных условиях, представляется актуальным создание интегративной модели европейского абсолютизма. Опыт историографической рефлексии концепта абсолютизма показывает недостаточность в построении его модели традиционных подходов — правового и социологического. Абсолютизм, как самый сложный исторический феномен, с одной стороны, и этап развития новоевропейской государственности, с другой, может быть рассмотрен в совокупности его базовых компонентов. В качестве таковых выступают: хронологический, правовой, военный, социологический, ментальный. Перечисленные составляющие, за исключением хронологической, являющейся базовой, не представляется возможным ранжировать или провести между ними четкую грань. Абсолютная монархия — это многомерное системное явление, развивающееся под влиянием множества факторов. Степень их воздействия уникальна в каждом конкретном случае, различается в количественном и качественном отношении, а также зависит от эффекта совокупного действия.

Ввиду устойчивой традиции терминологических споров и пожеланий упразднить термин «абсолютизм» на сегодняшний день наиболее адекватной его заменой являются термины «абсолютная монархия» и «Старый порядок». При этом в первом случае делается акцент на форму управления, во втором — на специфику государства и общества. В свою очередь, в историческом нарративе абсолютная монархия может выступать как «ренессансная», «классическая», «государство барокко» «бюрократическая», «административная», «просвещенная» и т. д. Терминологические аналоги, тем не менее, не смогли разрешить проблему терминологической замены, и на сегодняшний день термин «абсолютизм» остался в активном употреблении.

Исследование проблематики европейского абсолютизма, как одного из важнейших составляющих европейской цивилизации XVI–XVIII вв. необходимо для развития отечественной новистике. Более того, изучение новоевропейской государственности позволит поднять на новый уровень и рассмотрение данного периода в истории Беларуси. На основе авторской концепции возможно формирование нового направления в белорусской историографии. Речь идет о комплексном, панорамном изучении Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой в свете актуального в настоящее время компаративного подхода. Указанное предполагает не только включение истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в европейский контекст, но и более глубокое сопоставление их государственных институтов, социальной структуры, политической и сословной культуры и других аспектов развития с аналогичными явлениями и процессами в абсолютных монархиях Европы и России. В свою очередь, это позволит выйти на качественно новый уровень исследований как отечественной, так и всеобщей истории XVI–XVIII вв. в исторической науке Беларуси [1; 5; 9; 14; 19; 20; 27; 37; 39; 41; 42; 43; 45].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Научные выводы диссертации могут быть использованы для создания монографий, научных статей, учебных пособий, лекционных курсов по историографии и методологии исторической науки, Новой истории стран Западной Европы и России, истории Беларуси Нового времени, истории государства и права и т. д. Материалы диссертации применяются в подготовке специалистов в области музееведения, охраны историко-культурного наследия и туризма в Белорусском государственном университете культуры и искусств, о чем свидетельствуют акты внедрения выводов диссертации в учебный процесс в рамках таких учебных дисциплин, как «Гісторыя гістарычнай думкі» (акт от 26.02.2021), «Гісторыя Беларусі» (акт от 23.04.2021), «Усеагульная гісторыя» (акт от 24.06.2021).

Практическое значение выводов диссертации заключается в предложении нового ракурса исследований как по всеобщей истории, так и по истории Беларуси на основе исторической компаративистики и системного анализа. Это позволяет вести речь о новом направлении в белорусской историографии, разработка которого позволит прийти к качественно новым выводам о характере государственных институтов и социально-политического развития белорусских земель в XVI–XVIII вв. В свою очередь, активизация исследований по всеобщей истории позволит придать новое качество и уровень отечественной новистике.

Монография

1. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в. / Л. В. Ландина ; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. – 816 с.

Статьи в научных изданиях в соответствии с п. 18 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь

2. Ляхович (Ландина), Л. В. «Просвещенный абсолютизм» в России: российская дворянская и буржуазная историография / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. / под. ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2007. – Вып. 4 (9). – С. 91–96.

3. Ляхович (Ландина), Л. В. Французский абсолютизм и причины революции 1789 года в российской дореволюционной историографии и современной учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2009. – № 5 (83). – С. 3–7.

4. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм XVIII века в исторической концепции В. И. Герье / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2009. – Вып. 8 (13), ч. 1. – С. 99–105.

5. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сацыяльна-палітычнае развіццё Рэчы Паспалітай ва ўмовах еўрапейскага абсолютызму (канцэпцыя М. І. Карэева) / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 25. – С. 25–29.

6. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной историографии (концепция П. Н. Ардашева) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2010. – Вып. 10 (15), ч. 1. – С. 107–112.

7. Ляхович (Ландина), Л. В. Старый порядок накануне 1789 года в российской дореволюционной (концепция П. Н. Ардашева) и современной научной и учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2010. – № 6. – С. 7–10.

8. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема европейского абсолютизма в контексте становления российской новистики (концепция В. В. Бауера) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Выш. шк. – 2010. – № 4 (78). – С. 31–35.

9. Ляхович (Ландина), Л. В. Английская монархия и общество накануне революции 1640 г. (научный и образовательный аспекты) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2011. – № 3 (105). – С. 3–7.

10. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский «просвещенный абсолютизм» в отражении российской историографии начала XX века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. В 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 129–135.

11. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема российской монархии как пример идейного и научного противостояния в историографии 20-х гг. XX в. (концепции С. Ф. Платонова и М. Н. Покровского) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2012. – Вып. 12, ч. 1. – С. 184–190.

12. Ляхович (Ландина), Л. В. Научно-методические основы российской новистики 20-х гг. XX в. (на примере исследования проблемы европейского абсолютизма) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Выш. шк. – 2012. – № 6 (92). – С. 57-60.

13. Ляхович (Ландина), Л. В. Интерпретация проблемы европейского абсолютизма как проявление методологического перехода в российской историографии 20-х гг. XX в. / Л. В. Ляхович (Ландина) // История. – 2012. – Вып. 3 (11) : Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000387-4-1/?reader=Y> – Дата доступа: 18.08.2021.

14. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема сущности и определения понятия «абсолютизм» в современной научной и учебной литературе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2013. – № 8 (26). – С. 3–7.

15. Ляхович (Ландина), Л. В. Дискуссия 1968–1972 гг. и разработка проблемы абсолютной монархии в российской историографии второй половины XX века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2013. – Вып. 12, ч. 1. – С. 221–229.

16. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема французского абсолютизма накануне 1789 г. в дореволюционной новистике и современной российской историографии

/ Л. В. Ляхович (Ландина) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т ; [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2013. – Вып. 8. – С. 121–130.

17. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Ад класавага падыходу – да псіхагісторыі: асобы манархаў дынастыі Раманавых у савецкай і постсавецкай гістарыяграфіі / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Беларус. гіст. часоп. – 2013. – № 9 (170). – С. 33–45.

18. Ляхович (Ландина), Л. В. Российская историография французского абсолютизма рубежа 1980-х–1990-х гг.: опыт дискурсивного анализа / Л. В. Ляхович (Ландина) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т ; [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск, 2014. – Вып. 9. – С. 179–189.

19. Ляхович (Ландина), Л. В. Понятие «абсолютизм»: проблема интерпретации и критериев определения / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 181–188.

20. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты / Л. В. Ляхович (Ландина) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории : [сб. ст.] / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории ; гл. ред. Л. П. Репина. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 59–75.

21. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм в российской дореволюционной и советской историографии: ценностные установки исследований / Л. В. Ляхович (Ландина) // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск, 2015. – Вып. 15, ч. 1 / [редкол.: М. И. Демчук (пред.) и др.]. – С. 118–125.

22. Ландина, Л. В. Французские монархи эпохи абсолютизма и их окружение: дискурс советской историографии 1920-х–50-х гг. / Л. В. Ландина // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2016. – Вып. 11 / [рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) і інш.]. – С. 83–102.

23. Ландина, Л. В. Социально-политические изменения первых советских лет и преподавание всеобщей истории в высшей школе (на примере ФОН МГУ) / Л. В. Ландина // Выш. шк. – 2017. – № 3 (119). – С. 41–45.

24. Ландина, Л. В. Понятие абсолютизма в советской историографии 1920–1930-х годов: преемственность или дискретность? / Л. В. Ландина // Средние века : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового

времени / Ин-т всеобщ. истории РАН; отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2017. – Вып. 78 (1–2). – С. 326–345.

25. Ландина, Л. В. Дискуссия 1968–1972 гг. об абсолютизме: пятьдесят лет спустя / Л. В. Ландина // Средние века : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени / Ин-т всеобщ. истории РАН; отв. ред. П. Ю. Уваров. – М. : Наука, 2018. – Вып. 79 (4). – С. 133–152.

26. Ландина, Л. В. Проблема абсолютизма в концепции Н. А. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала XX века / Л. В. Ландина // Диалог со временем : альм. интеллект. истории / Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, Центр интеллект. истории, Рос. о-во интеллект. истории. – М., 2019. – Вып. 66 / [редкол.: А. Э. Афанасьева и др.]. – С. 223–237.

Статьи в сборниках материалов научных конференций

27. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема европейского абсолютизма и его французского варианта в практике преподавания исторических дисциплин в высшей школе / Л. В. Ляхович (Ландина) // Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 нояб. 2006 г. / БГУ; редкол.: В. В. Сергеевкова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 328–330.

28. Ляхович (Ландина), Л. В. «Просвещенный абсолютизм» в России: анализ и оценка французских авторов XVIII века / Л. В. Ляхович (Ландина) // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы междунар. науч.-теорет. конф., Витебск, 19–20 апр. 2007 г. : в 2 ч. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – Ч. 1. – С. 177–178.

29. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм: проблемное поле историографии / Л. В. Ляхович (Ландина) // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Научное пространство Европы – 2007», [Днепропетровск], 16–30 апр. 2007 г. / ред. С. В. Екимов. – Днепропетровск, 2007. – Т. 9 : История. – С. 27–31.

30. Ляхович (Ландина), Л. В. Европейский абсолютизм (XVI–начало XVIII в.) в исторической концепции Н.И. Кареева / Л. В. Ляхович (Ландина) // Методология исследований истории Беларуси: проблемы, достижения, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2008 г. / Ин-т истории НАН Беларуси ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – С. 153–156.

31. Ляхович (Ландина), Л. В. Княжеский абсолютизм германских земель (XVI–первая половина XVIII вв.) в российской либеральной историографии (концепция Н. И. Кареева) / Л. В. Ляхович (Ландина) // История Германии и германский вопрос с древности по современность: исторические, экономические, социальные, правовые и духовно-культурные аспекты : материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 8–9 окт. 2009 г. / УО Федерации профсоюзов Беларуси «Междунар. ин-т трудовых и социальных отношений» ; [редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) и др.]. – Витебск, 2009. – С. 12–14.

32. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблематика европейского абсолютизма в отражении российской историографии второй половины XIX века (концепция М. Н. Петрова) / Л. В. Ляхович (Ландина) // Культура и власть : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию каф. отечественной истории ПГПУ им. В. Г. Белинского, Пенза, декабрь 2010 г. / Пензенский гос. педагогич. ун-т им. В. Г. Белинского ; Пензен. обл. отделение Рос. о-ва историков-архивистов ; Пензен. регион. обществ. организация «Пензенская энциклопедия» ; Общество «Знание» России, Приволжский Дом знаний ; под ред. к. ист. н. В. А. Власова. – Пенза, 2010. – С. 13–15.

33. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Суадносіны духоўнай і свецкай улады ў Еўропе ранняга Новага часу / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // «Духоўныя асновы сучаснай культуры: праблемы захавання культурнай спадчыны» : XVI Міжнар. Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 26–28 мая 2010 г. У 2 т. / Мін. культуры Рэсп. Бел., Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; рэдкал. : М. А. Мажэйка (старш.) [і інш.]. – Мн : Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, 2011. – Т. 1. – С. 43–48.

34. Ляхович (Ландина), Л. В. Французская монархия в российской дореволюционной новистике (концепция П. Н. Ардашева) и современной российской историографии / Л. В. Ляхович (Ландина) // Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию проф. Л. М. Шнеерсона) : междунар. науч.-теорет. конф. [Минск, 25 февр. 2011 г.] / Белорус. гос. ун-т, Ист. фак. – Минск, 2012. – С. 47–49.

35. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Расійская манархія і яе духоўныя асновы: гістарыяграфічныя трансфармацыі XX–пач. XXI ст. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры, Мінск, 22–24 мая 2013 г. : у 2 ч. / Бел. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: В. Р. Языковіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2013. – Ч. 1. – С. 153–156.

36. Ляхович (Ландина), Л. В. Проблема французского абсолютизма в контексте методологических изменений на рубеже 1980-90-х гг. / Л. В. Ляхович (Ландина) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы

VI Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 22 апр. 2013 г. / Белорус. гос. пед. ун-т имени Максима Танка; редкол.: В. В. Тугай (отв. ред) [и др.]. – Минск, 2013. – С. 91–93.

37. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Дыскурсіўны падыход у гістарыяграфіі і культуралогіі: сродкі, метады, магчымасці / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // *Культура. Наука. Творчество* : VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29-30 мая 2013 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Бел. ; Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; Бел. гос. академия искусств ; Бел. гос. академия музыки ; науч. ред. В. Р. Языкович. – Мн. :БГУКИ, 2013. – С. 495–499.

38. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Манархі дынастыі Раманавых: ацэнкі і спрэчкі ва ўмовах сацыякультурных і навуковых змен мяжы XX–XXI ст. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) // *Матэрыялы XX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытанняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры*, Минск, 20–23 мая 2014 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – С. 150–154.

39. Ляхович (Ландина), Л. В. Возможности дискурс-анализа в историографии (на примере интерпретации проблемы европейского абсолютизма) / Л. В. Ляхович (Ландина) // *Культура. Наука. Творчество* : сб. науч. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 мая 2014 г. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: В. М. Черник (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 356–361.

40. Ландина, Л. В. Концепт западноевропейского абсолютизма: методологические проблемы постсоветской историографии / Л. В. Ландина // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Древность, средние века, новое и новейшее время* : материалы IX Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 10-11 нояб. 2016 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. пед. ун-т, Ист. фак. ; редкол.: А. В. Касович (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 109-111.

41. Ландина, Л. В. Концептуальная модель европейского абсолютизма в контексте современной методологии / Л. В. Ландина // *Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований* : сб. науч. ст. и материалов Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. н., профессора Г. А. Космача и в связи с 65-летием со дня его рождения (1953-2016 гг.), Минск, 21–22 июня 2018 г. / Мин. обр. Респ. Бел., Бел. гос. педагогич. ун-т имени М. Танка; Витеб. гос. ун-т имени П. М. Машерова. – Псков : ООО «Логос», 2018. – С. 289–296.

42. Ландина, Л. В. Речь Посполитая и абсолютные монархии в европейском геополитическом пространстве: историографический аспект / Л. В. Ландина // *Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–*

1618-1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны: материалы междунар. конф.: Москва, 19–20 сент. 2018 г. / Ин-т всеобщ. истории РАН, отв. ред.: В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров. – М., 2018. – С. 412–420.

43. Ландина, Л. В. Междисциплинарный и компаративный подходы в изучении государственных институтов Речи Посполитой / Л. В. Ландина // Навуковы пошук у сферы культуры і мастацтва : матэрыялы навук. канф. праф.-выкладч. складу БДУКМ, прысвеч. Году культуры ў Рэсп. Беларусь, Мінск, 24 лістап. 2016 г. / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: Ю. П. Бондар (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2018. – С. 239–243.

44. Ландина, Л. В. Дифференциация подходов к изучению абсолютной монархии в российской историографии начала XX века / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 мая 2018 г. : / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Мн. : БГУКИ, 2018. – С. 348–352.

45. Ландина, Л. В. Концепт европейского абсолютизма: проблемное поле современной историографии / Л. В. Ландина // Актуальные проблемы истории и культуры : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск, 2018. – Вып. 1 : Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 мая 2017 г. / сост.: Е. А. Александрович [и др.] ; редкол.: В. В. Данилович (гл. ред.), В. В. Тугай, Е. А. Кривичанина. – С. 76–82.

46. Ландина, Л. В. Соотношение подходов в изучении западноевропейского и российского абсолютизма в российской историографии конца XIX–начала XXI в. / Л. В. Ландина // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация : сб. науч. ст. по матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения академика В. И. Пичеты «История и историография: объективная реальность и научная интерпретация», Минск, 05 окт. 2018 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : БГУ, 2018. – С. 258–268.

47. Ландина, Л. В. Российская государственность XVI–XVIII вв. в советской историографии периода Великой Отечественной войны / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы и 45-летию Белорус. гос. ун-та культуры и искусств, Минск, 14 мая 2020 г. / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; Бел. гос. академия музыки ; Бел. гос. академия искусств ; редкол.: А. А. Корбут [и др.]. – Минск, 2020. – С. 65–69.

48. Ландина, Л. В. Постсоветская историография в период социокультурной трансформации 1990-х гг.: переосмысление государства и его институтов / Л. В. Ландина // Культура. Наука. Творчество : сб. науч. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13 мая 2021 г. : / М-во культуры Респ. Бел., Бел. гос. ун-т культуры и искусств ; Бел. гос. академия музыки ; Бел. гос. академия искусств; редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 161–166.

Резюме докладов

49. Ляхович, Л. В. Европейский абсолютизм в российской новистике 20-х гг. XX в.: методологическая трансформация историографии переходного периода / Л. В. Ляхович // Переходные периоды всемирной истории: динамика в оценках прошлого : [резюме докладов Междунар. конф., Москва, 23 сент. 2011 г.] / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр истории ист. знания ; [редкол.: М. С. Бобкова (отв. ред.) и др.]. – М., 2012. – С. 66–67.

Учебно-методические комплексы и программы

50. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сусветная гісторыя: новы час : праграма для студэнтаў II курса спецыялізацыі "музеязнаўства і ахова гісторыка-культурнай спадчыны" : вучэб. выд. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна). – Мінск : БДУКМ, 2004. – 46 с.

51. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Сусветная гісторыя (да новага часу) : праграма для студэнтаў I курса спецыялізацыі "музеязнаўства і ахова гісторыка-культурнай спадчыны" : вучэб. выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) ; БДУКМ. – Мн., 2007. – 42 с.

52. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Гісторыя і тэорыя гістарычнай навукі : праграма для студэнтаў IV курса спецыялізацыі "музеязнаўства і ахова гісторыка-культурнай спадчыны" : вучэб. выд. / Л. У. Ляховіч (Ландзіна). – Мінск : БДУКМ, 2008. – 28 с.

53. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Усеагульная гісторыя. Раздзел 3. Новы час. : вучэб. праграма па спецыяльнасці 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) вучэб выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна) ; БДУКМ. – Мінск, 2013. – 43 с.

54. Ляховіч (Ландзіна), Л. У. Усеагульная гісторыя. Раздзел II. Сярэднія вякі: вучэб. праграма ўстанова вышэйш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1-23 01 12 «Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны» (па напрамках) : вучэб выданне / Л. У. Ляховіч (Ландзіна); БДУКМ. – Мн., 2015. – 28 с.

55. Ландзіна, Л. У. Гісторыя гістарычнай думкі [Электронный ресурс] : вучэб. праграма ўстановы выш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1-23 01 12 Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны(па напрамках) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; склад. Л. У. Ландзіна. – Электрон. тэкставыя даныя. – Мінск, 2017. – 32 с. : табл. – Загал. з экрана. – Дэп. ў БДУКМ 03.11.2017, № 018803112017. – Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/handle/123456789/14689>. – Дата доступу: – 20. 08. 2021.

56. Усеагульная гісторыя [Электронный ресурс] : вучэб.-метад. комплекс для спецыяльнасці Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках) : у 4 ч. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; склад. Л. У. Ландзіна. – Электрон. тэкставыя даныя. - Мінск, 2017. – Ч. 3: Новы час. – 109 с. : табл. – Загал. з экрана. – Дэп. ў БДУКМ 03.11.2017, № 018303112017. – Рэжым доступу: <http://repository.buk.by/handle/123456789/14682>. – Дата доступу: – 20. 08. 2021.

57. Усеагульная гісторыя : вучэб. праграма ўстановы выш. адукацыі па вучэб. дысцыпліне для спецыяльнасці 1-23 01 12 Музейная справа і ахова гісторыка-культурнай спадчыны (па напрамках). Раздел 3. Новы час / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; [склад. Л. У. Ландзіна]. – [Мінск] : [БДУКМ], 2021. – 48 с. : табл.

РЕЗЮМЕ**Ландина Лариса Владимировна****Концепт европейского абсолютизма в российской историографии
последней трети XIX – начала XXI в.**

Ключевые слова: историография, методология, методологическая парадигма, концепт, дискурс, концепция «равновесия», социологическая модель, культурно-антропологическая парадигма, Новое время, государство, абсолютная монархия, абсолютизм, самодержавие, Старый порядок.

Цель работы — выявить содержание, направленность и особенности развития концепта европейского абсолютизма в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.

Методы исследования основываются на феноменологической и культурно-антропологической парадигмах и цивилизационном подходе. Исследование проведено согласно с принципами историзма, объективности, системности и ценностного подхода. В диссертации применены как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, контент-анализ, моделирование, классификация, систематизация и т. д.), так и специальные методы исторической науки (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-проблемный, историко-типологический, синхронический, диахронический и т. д.).

Полученные результаты и их новизна. Впервые в историографии показаны периоды, содержание, направленность и особенности развития концепта европейского абсолютизма в российской историографии с последней трети XIX до начала XXI в. Создана интегративная модель абсолютизма как предмета изучения исторической науки.

Рекомендации по использованию и область применения. Научные выводы диссертации могут быть использованы для написания монографий, научных статей, учебных пособий, лекций по историографии и методологии исторической науки, Новой истории стран Европы и России, истории Беларуси, истории государства и права и т. д. Практическое значение выводов диссертации заключается в предложении нового направления исследований по всеобщей истории и истории Беларуси XVI–XVIII вв. на основе исторической компаративистики и системного анализа.

Ландзіна Ларыса Уладзіміраўна
Канцэпт еўрапейскага абсалютызму ў расійскай гістарыяграфіі
апошняй трэці XIX – пачатку XXI ст.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, метадалогія, метадалагічная парадыгма, канцэпт, дыскурс, канцэпцыя «раўнавагі», сацыялагічная мадэль, культурна-антрапалагічная парадыгма, Новы час, дзяржава, абсалютная манархія, абсалютызм, самадзяржаўе, Стары парадак.

Мэта працы — выявіць змест, накіраванасць і асаблівасці развіцця канцэпта еўрапейскага абсалютызму ў расійскай гістарыяграфіі апошняй трэці XIX – пачатку XXI ст.

Метады даследавання грунтуюцца на феноменалагічнай і культурна-антрапалагічнай парадыгмах і цывілізацыйным падыходзе. Даследаванне праведзена згодна з прынцыпамі гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнасці і каштоўнаснага падыхода. У дысертацыі выкарыстаны як агульнанавуковыя метады (аналіз, сінтэз, індукцыя, дэдукцыя, кантэнт-аналіз, мадэліраванне, класіфікацыя, сістэматызацыя і г. д.), так і спецыяльныя метады гістарычнай навукі (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны, гісторыка-праблемны, гісторыка-тыпалагічны, сінхранічны, дыяхранічны і г. д.).

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню ў гістарыяграфіі паказаны перыяды, змест, накіраванасць і асаблівасці развіцця канцэпта еўрапейскага абсалютызму ў расійскай гістарыяграфіі з апошняй трэці XIX да пачатку XXI ст. Створана інтэгратыўная мадэль абсалютызму як прадмета разгляду гістарычнай навукі.

Рэкамендацыі па выкарыстанні і галіна прымянення. Навуковыя высновы дысертацыі могуць быць выкарыстаны для напісання манаграфій, навуковых артыкулаў, вучэбных дапаможнікаў, лекцый па гістарыяграфіі і метадалогіі гістарычнай навукі, Новай гісторыя краін Еўропы і Расіі, гісторыі Беларусі, гісторыі дзяржавы і права і г.д. Практычнае значэнне высноў дысертацыі заключаецца ў прапанове новага накірунку даследаванняў па ўсеагульнай гісторыі і гісторыі Беларусі XVI–XVIII стст. на аснове гістарычнай кампаратывістыкі і сістэмнага аналізу.

SUMMARY

Landina Larisa Vladimirovna

**The concept of European absolutism in Russian historiography
of the last third of the XIX – early XXI century**

Keywords: historiography, methodology, methodological paradigm, concept, discourse, concept of "equilibrium", sociological model, cultural and anthropological paradigm, Modern times, the state, absolute monarchy, absolutism, autocracy, The old order.

The purpose of the work is to reveal the content, the direction and the features of development of European absolutism concept in Russian historiography in the last third of the 19th–early 21st centuries.

The research methods are based on the phenomenological, cultural and anthropological paradigm as well as civilizational approach. The research was carried out in accordance with the principles of historicism, objectivity, consistency and value approach. The dissertation uses both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, content analysis, modeling, classification, systematization, etc.), and special methods of historical science (historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, historical-problematic, historical-typological, synchronic, diachronic, etc.).

The results and their novelty. For the first time in historiography, the stages, content, direction and development features of the concept of European absolutism in Russian historiography are shown since the last third of the XIX century to the beginning of the XXI century. An integrative model of absolutism has been created as a subject for the historical science study.

Recommendations for use and application area. Scientific conclusions of the dissertation can be used to write monographs, scientific articles, textbooks, lecture courses on historiography and methodology of historical science, Modern history of European countries and Russia, history of Belarus, history of the state and law etc. The practical importance of the dissertation conclusions is the new research perspective proposal both in the world history and in Belarussian history based on historical comparative studies and a systems approach.

Подписано в печать 19.11.2021 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,03. Уч.-изд. л. 2,69.
Тираж 60 экз. Заказ 460.

Республиканское унитарное предприятие «Информационно-
вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№2/41 от 29.01.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.